

Александр Петров

Тетива

избранные стихотворения

Челябинск
Цицера
2008

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
ПЗ0

Петров А. П.

ПЗ0 Тетива. Избранные стихотворения. Челябинск:
Цицера, 2008. — 190 с.

Новая книга миасского поэта Александра Петрова представляет собой срез творчества за десять лет. Поэт остается верен себе, в его стихах открытость, обнаженность чувств и строгость формы создают удивительное сочетание несочетаемого.

ISBN 978-5-91283-25-7

© Петров А. П., 2008
© Ягодинцева Н.А.,
предисловие 2008

«Жизни полновесные следы»

«Избранное» поэта всегда — о времени. Он заложник времени, его задолжник, он рвётся к вечности, обрывая паутину, жилы, смолёные канаты... Но парадокс в том, что время не столько вне поэта, вокруг него, сколько в нём самом. Время определяет внутреннюю сущность стихотворца: язык, музыку, образное виденье... Осмелюсь утверждать, что время в своей протяжённости и двойственности есть не что иное как генетический код поэта. По этому коду, может быть, и опознаётся поэт в столь чаемой им Вечности?

«Избранное» Александра Петрова явно содержит этот код, стихи современны и узнаваемы благодаря не столько реалиям, конкретным приметам, сколько самому духу времени, воздуху его — душному, тревожному, дымному. Время узнаётся по состоянию души, по её метаниям, по якорям и гаваням. Собственно, тихая гавань одна — любовь, рассыпанная как ожерелье с порвавшейся нитки, раскатившаяся по земле так, что и не собрать... Самый надёжный якорь — земля, родина, и как бы ни штормило — она держит, она обязывает поэта быть и говорить в полный голос.

А штормит так, что, кажется, переворачивается весь мир, и многие стихи Александра Петрова полны горечи — до отчаянья. Понять, что происходило в России в минувшее двадцатилетие, на которое пришлось наиболее поэтически плодотворные годы

автора, — значит, отказаться от многих духовных и душевных опор и выйти один на один со временем, и стоять в этой битве из последних сил, теша себя надеждой, что есть Вечность, и там всё будет непременно расставлено на свои места... Но, тешась надеждой, всё-таки стоять не на жизнь, а на смерть, и даже в самом отчаянье находить новые силы.

«Избранное» Петрова в этом смысле — очень русская книга, она изнутри показывает характер человека и передаёт состояние его души. Книга разнообразна мелодически: от органичных для автора фольклорных стилизаций до поэтического «потока сознания», созвучного поискам молодых современников. Можно было бы сказать, что и здесь «штормит», но всё-таки магистральной интонацией для автора остаётся повествовательная, тяготеющая к философии, к открытому размышлению. Автор провоцирует читателя, призывает его в собеседники, активно используя назывные предложения, рассыпая ассоциации, резко, порой неожиданно ставя эмоциональные акценты.

Тайна времени — главная тема книги. Осознаёт ли поэт, что это и его собственная тайна, ключ от его генетического (поэтического) кода? Безусловно, это ощущается по многим стихам. Код многомерен, многослоен, он не может быть вычислен, изъят из книги: он сам есть книга, переход от интонации к интонации, от состояния к состоянию, от сюжета к сюжету. И важна не столько дата написания каждого конкретного текста «Избранного», сколько переключки, сюжетные линии, переплетающиеся в течение нескольких десятков лет, метасюжет, являющийся хрупким и зыбким отражением мегасюжета Нашего Времени.

Нина Ягодинцева,
поэт, член Союза писателей РФ

* * *

По небу шарю, словно кто-то ждёт,
чтоб я нашёл крыла обломок, перья,
и понял наугад: кто не живёт
во мне — ушёл от тени недоверья.
Не знаю, кто из нас двоих не прав.
Качнутся облака — и без фантазий
приму, что, никого не обокрав,
себя я обделяю раз за разом.
Срезая тихо шелест берегов,
я к облаку лечу бумажным змеем
и собираю бисеринки слов,
и от щедрот душа моя немеет.

08.01.07

* * *

Я выберу тебя,
как выбирают глину.
Уснувшие во тьме
не ищут будней нить.
Задрапирован путь,
я небо опрокину
на колесницы скрип.
Богам не оценить
изюминки на дне
бесформенного срама.
Глоток воды подчас
стократ хмельней вина.
Я вылеплю тебя
на зависть жрицам храма.
Доверчивей, чем воск,
теки в объятья сна.

12.01.07

* * *

Чернота на сердце.
Из квартиры — в ночь:
на морозе воля
к жизни интенсивней.
Только не пытайтесь
пешему помочь:
на карнизе истины
смерти очевидней.
Паутина буден
отнимает силы.
Дух сильнее тела,
но и он смущён.
Горечью обмана
воздух окропили,
каждый вдох отравлен,
каждый шаг смещён.
Безмятежно думы
сохнут в недрах речи.
Суета безмолвно
проплывает сквозь.
И чужие крылья
оведают плечи.
И ладонь чужую
вспарывает гвоздь.

25.02.03

* * *

Просочись, мягкокожая вишня!
Подступившей слюной захлебнусь
и в ладони приму те двустишия
и от тяжести их согнушь.
Поплывёт удивлённое небо,
облаками сознание слепя,
и вздохнёт подо мною планета
и поднимет меня, любя.

2.11.05

* * *

Как-то не по себе на заросшем травую погосте.
Я кружу средь могил, ощущая спиною укор,
разгребаю листву суковатым подобием трости.
С безымянных могил потемневшие звёзды

в упор —

не скупись — наливай, не трясись —

дирижёра не будет.

Ритуал как шаблон — водяными — на саване дня.
Лишь ослепнувший дождь, разрывая

танталовы пути,

утолит всех и вся, по безмолвной земле семеня,

как залог не удач, но надежд, что уже не питают
ни юнцов, ни мужей, но капризна святая душа,
матерея от бед, поднимаясь всё выше над стаей,
устремляется вдаль, не свои горизонты круша.

Прикорну у корней, до поры покурю, покемарю,
пережду полосу не дождей, но осенних даров.

Вечерком от садов — сладковатым дымком,

а не гарью.

От звезды до звезды тени шепчутся:

«Скоро Покров».

11.12.06

А. Подогову

В двух шагах от листопада
веще светится лужок.
Неразбуженное стадо,
полусонный пастушок.
В небе облако высоко,
в кронах первые лучи.
Перламутрова осока
росью моет кирзачи.
Солнце всходит, косорото,
под скалой кипит репей.
Безымянное болото —
родина твоя, Орфей.
И слегка дрожат осины
от утробного смешка,
холодок швыряя в спину
скомороха-пастушка.

3.12.03

* * *

Нутром крушение предвидя,
но в катастрофах закалясь,
несла наполненное вымя
в ещё невидимую грязь,
и, утопая, сожалела
не о своей судьбе, — о том,
что — вот несла да не успела,
не напоила молоком.

17.10.02

* * *

Какая всё же маленькая жизнь
и мелкая: поешь, поспи, побегай.
Не спится ночью? Выйди, освежись,
поговори о наболевшем с Вегой.
А утром снова долгу покорись,
простым инстинктам тела потакаая...
А мысль куражится: живи, не торопись,
Земля же терпит вас, не упрекая,
и ты не выговаривай судьбе,
ложись и спи, своё не мучай тело.
По жребию жить выпало тебе,
а сколько мимо этой доли пролетело.
Твой микрокосм влюбляется, живёт,
творит себе подобных и лелеет.
Но беспокойный дух чего-то ждёт,
томим грядущей эрой Водолея.

14.09.06

* * *

Мелкий дождь — земля навстречу.
Листья тихо шелестят.
Я случайно не замечу,
мне случайно не простят.
Не спеша шаги читаю:
вниз по склону, через мост.
Голубей воркует стая:
дождь не вечен, ангел прост.
Свет ещё не обозначил
перспективы: след — не два.
Тень сбежала, не иначе.
Ты читай меня, вода.

19.03.08

Ассоциативный ряд

Выносят мебель из квартиры
Вся в пятнах голая стена
Белей чем женская спина
Следы от «банок» словно дыры
Асимметрично невпопад
На землю яблоки и глухо
На сене и тепло и сухо
Упруго небо звездопад
Дорожка лунная Земфира
Мосты ладони и шалаш
Шампанское пустынный пляж
Пустая голая квартира

11.08.01

* * *

Я выпрыгну на ложном повороте
и по касательной вдоль насыпи — в снега,
где ждут меня Лучано Паваротти,
а может, Цоя неземные берега.
Меня пугать безвременным уходом —
что зайчиком слепого ослеплять.
Мою, невидимую глазу, связь с народом
коса не тронет, ибо Смерть не б...
продажная, она всегда в фаворе,
ей наши козни — пыль с чужих сапог.
Нежданный гость на энном косогоре —
уже подарок: кома — как залог.
И замер маятник, и солнце просочилось
в иную плотность, лучиком свербля:
— Кого — долги, кого — грехи, кого — немилость
— А что — меня? — стучат колёса.
— А тебя!..

28.02.08

* * *

Сколько впустят в себя безболезненно строки?
Всё менялось: страна, отношения, быт.
Что грядущему наши сквозные уроки?
Всё-то вывихи им. Укоряющий стыд.

Сколько было дорог, вариантов, сомнений.
Но о чём говорить: суета там и здесь.
Уступаю любви порожняк без волнений,
понимая момента лукавую лесть.

Проходя день за днём по родному проспекту,
вижу сколько ещё не залатанных дыр.
Кто-то не долюбил шелестящую ветку,
кто-то не оберёт этот маленький мир.

Не подумай, о дочь, что брюзгою под старость
стал, как водится на безголосой Руси.
Не забуду вовек плодотворную радость.
Боли нет. Неба синь, путь домой ороси.

06.09.06

* * *

Жить в любви легко и просто.
Вероятно. Я не жил.
Ощущение сиротства.
Тяжесть до разрыва жил.

Так уходят в лес подранки,
сузив чёрные зрачки.
Режу угол перебранки,
зачехляя все смычки,

чтоб ни стона, ни проклятий,
ни упрёка, ни стежка.
Можно выжить без объятий,
без любви, без корешка.

Одиночество — скорлупка,
хрупкая на первый взгляд,
обезжизненная губка,
саблезубый шелкопряд.

Ни дыхания, ни пульса
не означу, уходя.
Не скули, душа, прессуйся
твёрже пакового льда.

Нерастроченная нежность,
невостребованный пыл.
Жить в любви не безмятежно.
Вероятно. Я не жил.

15.09.06

* * *

А осень ближе.

Глянь, листва плывёт туманом.

Глянь с наших этажей — долина в «молоке».

И где-то там спуют, паркуются в карманы
машины, и мужей с любовью жёны ждут.

Качаются дома в безгрешной этой зыбке.

Зависли над хребтом седые облака.

Так гладит чадо мать с задумчивой улыбкой,
и длань её легка, как божья благодать.

Паря над суетой, невольно замечаешь
всю мелочность обид, никчёмность наших ссор,
предательство друзей, и все грехи прощаешь
под радугой в любви отпущенных нам дней.

До осени — рукой... Пора остановиться,
поставить на крыло взъерошенных птенцов.

О, неба глубина! Невидимую птицей
душа покинет мир, в который влюблена.

29.08.06

* * *

Не потому ли мысли — к дому,
что одиночество, звеня,
комком подкатывает к горлу
к исходу суетного дня?
Не потому ли снится город,
что в нём остался некто Он
и слёзы впитывают поры,
и вздох напоминает стон?
Не потому ль тоска и скука,
что выбор сделала душа
и эта первая разлука
пустыню сердце обожгла?
Не потому ль бессонны ночи,
что ревность чернотой крыла
открыла дремлющие очи,
а успокоить не смогла?
Не потому ль, не потому ли?..
А может, это — возраст, страх,
что не родить тебе сынули,
дочь не баюкать на руках?
Скучай по городу родному,
по воздуху, по голосам,
тоскуй, любимая, по Дому.

Завидую, мой дом — я сам.
Смотрю на молодых и старых,
имеющих не крышу — Дом.
Скрип половиц осел в суставах
пенька, затянутого мхом.

29.06.2000

* * *

Зима на убыль, но не до неё.
На проводы — ни времени, ни грусти.
Уходит в горы снежное враньё,
чтоб перевоплотиться... в грузди.
Холодная, уже пошла река,
угрюмая и мутная — до мая.
А мой кобель летит без поводка,
и ёжится река... от лая.
Ещё не обозначились дожди
и не проснулись у фонтана липы.
Остановилось время у межи,
моей земли прослушивая хрипы.

15.03.05

* * *

Глаза тоскуют по губам,
тоскуют губы по глазам,
тоска сильнее боли в сердце,
она преследует меня,
и в каждом закоулке дня
звенит, и никуда не деться
от мысли, рвущейся к тебе
по ускользающей тропе.
Меня засасывает серость.
Тоска беснуется и льнёт,
в твоей груди не тает лёд.
Любовь без тайных слёз — нелепость.
Так к солнцу тянется трава,
но будет выжжена дотла
земля, вскормившая побеги.
В огне любви горю за грош,
благодарю святую дрожь,
не помышляю о побеге.

01.11.99

Бессонница?

Видать, не суждено мне тихо плыть в печали
открытого плеча, качаясь на груди,
чтоб чаечки морщин меня не замечали,
но упреждали зов «Не надо, не буди».
Да это не мечта, не грусть, не врачеванье —
неутолённое желание любви,
по гавани тоска, мольба отчаянья,
а может быть, обида. Не юли
и брось завидовать и плакаться в жилетку,
скупую полночь незаслуженно винить.
А диспозиция проста: подкинь монетку...
Есть жёстче выбор: барабан — рулетка.
День ото дня слабей желанье изменить
оконный переплёт когда-нибудь разрушу.
Пока ж стабилен клочок зари над головой.
Но по ночам тоска изматывает душу,
и плачется она, и просится домой.

25.08.06

* * *

Скоро снова пойдут проливные дожди,
мокрый зонт надоест, как тупая собака.
На твоё осмотнительное «Не жги»
оскорбится восьмой гордый знак зодиака,
ненавистный, но только при чём же тут знак, —
я опять на сезон беспричинно исчезну.
Буду с бардами пить за бездомных собак,
за себя и за них — честно.
Буду клясться на бис, что туда не вернусь,
буду пьяно читать гениальные вирши.
Только — выпадет снег, я на Русь оглянусь
и прощайте, мои пилигримши.
По сугробам родным да по волчьей тропе,
за верстою версту, не жалея одежды,
на попутках по зимнику, по льду, а где
через лес напрямки — до душистой копёшки.
Доберусь-повинюсь, а душа — с подвенца —
не придаст тем словам надлежащего пыла,
ибо знает, что вновь уведёт подлеца,
как уже не единожды было.

25.08.06

* * *

Не бойсь, Ангел, сил ещё полон,
не зальюсь лаем.
Сторонюсь всех. Не кружи, ворон,
упадёшь камнем.
То не день лютый длань мою сводит —
холодок рая.
И не гном будто по пятам ходит,
а метель злая.
Подберу посох, ибо путь долог,
не возьму хлеба.
Обойду норы, отыщу полог
голубей неба.
И вздохну густо, и кивну молча,
и вернусь тихо
на круги эти, где сильна порча
и свистит Лихо.

13.08.06

* * *

96 из 100 —
не поверишь, что в обнимку
под одной шуршащей кожей.
Я уже стою в прихожей,
перекатывая льдинку.

96 из 100 —
не поймёшь, откуда холод,
поперхнёшься обречённо
то ли шуткой то ли чёрной
к полу бабочкой приколот.

В состоянье перехода
удивительно проста
вся динамика момента.
Невесомость вне акцента —
96 из 100.

Память тонет, память тает.
Расстаёмся без стыда
с этой жизнью у порога.
Не надеешься на Бога —
96 из 100.

08.07.06

Творящий в снах

Творящий в снах
свою теряет твердь.

Враждебность сна, прикрытая виденьем,
неочевидна. Спящий примет смерть
с неведомым для разума смиреньем.

Библиотека подпускает сны
и шелестит, заигрывая с небом,
поскольку спящие как ангелы чисты
и в облаках купаются при этом.

Невероятная капризность языка
неосвязаемо минует ось рассудка.
Часы песочные без порции песка —
утратившая явный смысл скорлупка.

Прозрачность всех задуманных миров,
царящих здесь без хаоса, — беспола,
как пламя заколдованных костров,
сжигающее в снах значенье слова.

09.01.06

* * *

Ты не путай:
где — облом,
где — расквашенные тропки.
Этот снег растает прежде
прошлогодней чепухи.
Мы отыщем, кто виновен,
что опять меж нами пробки.
Спрячь в подвал от суко-дятла
сокровенные стихи.
Не читай на перекрёстках
перекошенные лица,
уходи в сорочий гомон
с жаждой перемены мест,
где в подводном перелеске
до тридцатчика не близко.

Пусть зашкаливает фора:
мой — пока не надоест.
Серпантин качает небо,
облака плотней сугроба.
Где природа обозналась —
гонор ключиком журчит.
Ждёт тебя моя лавина,
у вершины сгинем оба.
Рви от Леты вправо-влево:
ледоход — зеркальный щит.

12.04.08

Необитаемые острова

Лишившая меня дождя
каштанового, тела —
осталась тайною. Вражда
коснуться душ не смела.
До отношений тет-а-тет
не долетев полтета,
ты, вздрогнув, погасила свет
в сознании поэта.
Шепча бессвязные слова,
забыв пароль согласия,
необитаемые острова
я омываю часто.

03.02.02

* * *

Коснись — и лопнет пресловутая мораль,
пузырь и только, капля на паркете,
лубочная и древняя в морщинах пастораль,
вернее, в трещинках, но речь не о природе
музейной редкости, — о нравах. Глупый ход.
В любых веках найдёте параллели:
дитя, источник счастья и хлопот,
грешил не на панели, так в постели,
и, осуждаем обществом, бежал
на острова, другие континенты
Едва коснись молодых молочных жал —
лечу, безбашенный, в расставленные сети.

04.02.08

* * *

Кто кого измотал откровением частным?

Не болтай, лягушонок, предо мной

перепонками крыл.

Сколько ни унывай, но вот эти природные ласты
на болоте верней парусины нерусских ветрил.

От сачка до ведра не полёт, а слепое паденье.

Винородной среде даже собственный голос

не в кайф.

Сын Дедала ослеп и погиб, но не предан забвению,
и на острове Крит беглецу возвели кенотаф.

Ах, Икар, непослушный ребёнок-романтик,

подражая тебе, мотыльками летят на огонь,

кто питающий фал пуповины в ликующий бантик
завязал и вспорхнул, доверяя дракону ладонь.

28.02.08

* * *

То — не ты в тумане белом
с-нежным солнца силуэтом
невостробованным светом
нерастраченным теплом, —
шепоток из-под-сознания
интернетовского сайта
непристойным придыханьем
интригующим числом.

Он мои мозги буравит
беззастенчиво лукавит
под Ульянова картавит
под Иосифа гундит:
не смешай акценты к югу
пролонгируй тропку другу
хладнокровную гадюку
околдуй теплом груди.

Не к лицу возня за место
делай ноги от насеста
конопляная невеста
ожидает под горой.
Мир качается надменно
пред осиной неизменно...
в лунном серебре колена...
Чем Иуда не герой?

19.01.08

* * *

Свет промеряет толщу,
пробует тьму на ощупь.

Угол — лучи, вершина.
Зеркало опровержимо.

Ракурс, рельеф, пандус.
Ось, поворот, градус.

Гео-метрия лжива.
В энных мирах Шива.

Ниточки горизонта
держит паук грозно.

Чуткая паутина —
био-сонар властелина.

Жизнь — это некая форма,
это смешная фора:

в радиусе луча
жизнь — свеча.

19.07.07

* * *

Город. (Напрасно поставил точку)
Выучен, как букварь,
неинтересен, как почка,
живородящая тварь.
Микробами переполнен,
я тоже его микроб,
по-своему бесподобен
со-кровищами трущоб.

Вьюга. Лиловый вечер.
Вобщем, февральский дизайн.
Снег меня не излечит,
сколько не отрезай
память от этих улиц,
взгляд от убогих изб.
С дымом казацких кузниц
и молоком кобылиц

впитан мной дух свободы —
я потому бунтарь.
Болью простого народа
перенасыщен словарь.
Город, любимый город,
мой ненадёжный тыл,
чем же ты так мне дорог?
Холмиками могил.

18.02.06

* * *

и падая из медленного сна,
не сразу понимаешь, что вернуться
не суждено, что эта жизнь пресна,
что вновь ослеп: на сон не оглянуться.

27.07.07

* * *

Поэтов нет среди друзей,
и нет друзей среди поэтов.
Я — позабытый Колизей,
хранящий мускус пируэтов.
Я — память живших до меня,
движенье мысли, их творившей.
Я — переводчик. Камень я,
любви источник перекрывший.
Я одинок среди людей,
как вал девятый — в океане,
как щепка — на костре идей,
маяк невидимый — в тумане.
Я, уходящий в пустоту,
в себя, в незримо-белый космос,
спокоен: отыщу версту,
где след оставил чей-то полоз.

12.12.96

* * *

Запущенный со свистом бумеранг,
наперекор и вые и утробе
перемахни наивный бундестаг,
чей старческий склероз увяз в Европе.

Испарина на лбу — ещё не мрак,
ещё мгновенье мысли на потребу.
Хозяин — гость: один неверный шаг —
и не поймёшь, где празднуют победу.

От плюса в минус — горькая судьба,
качни наоборот — не слаще редьки.
Вся суетность исчезнет без следа,
когда замрёт твой взгляд на фазе «предки».

23.07.07

* * *

Я полюбовно эту канитель
хотел бы кончить, но с любовью туго.
Не намекая честно на постель,
я фамильярно жизнь зову подругой.
Вынашивая планы тет-а-тет,
киваю на промозглые денёчки,
в тени иль свете оных, как поэт,
не написал неповторимой строчки.
Не натянуть мне тетивы родной реки,
не выпустить стрелы амура в горы.
Я не копил, как скопидом, грехи,
однако разгребаю ворох добрый
ошибок, что хранит моя печаль
(ночное бденье обостряет память),
и лунная на пустоте печать
приструнивает дар — не горлопанить!
У каждого из нас своя судьба,
и не скули, что тетива упруга.
Потребность погружать себя в себя
превыше сил, хотя с любовью туго.

Подножия

Моя Родина — мой последний дом

Б. Окуджава

Я встал на путь, где больше белых пятен,
чем чёрных дыр-зрачков немой толпы,
мой путь сквозь них сегодня неприятен:
глаза ползут, как жирные клопы.
Зачем и кто благословил меня,
от пут стиха освободил из плена?
Возможно, это Родина моя,
где — первая любовь, строка, измена,
знакомство с телом женщины на «Вы»,
слепая верность узам Гименея.
Здесь на двухтысячном от праздничной Москвы,
от мини-пирамиды Мавзолея
вдыхал я креозотный дух страны,
картинку гор впечатывая в память,
и, доверяясь зову Сатаны,
с хозяйкой гор мечтал Миасс оставить,
но выходило всё наоборот.
Я возвращался в порванной одежде
и шёл по вечерам за поворот,
почти всегда дарующий надежду
и отнимающий экспресс-мечту
отсутствием прямой и трафарета:

где — смерть, где — слава доброму мечу,
а где — ни то ни сё, ни то ни это.
К вершине от подножья длинен путь,
и снизу никогда вершин не видно:
то дождь, то солнце светит — не взглянуть,
то — снег, а то... мираж, признаться стыдно.
До цели, кажется, рукой подать.
Я заблудился в лабиринтах, каюсь.
Теперь-то я уже не удивляюсь,
что и с вершин подножий не видать.

Весной вдоль теплотрасс, смердящих свалок
вылазят жёлтые — по доброте —
переве все подснежников, фиалок
с легендой о куриной слепоте
невзрачные на вид цветы, но лезут.
(Подснежники, конечно же, растут.)
Озолотив прогалины у леса,
они несут свой штрих в земной уют,
не помышляя о хрустальной вазе,
не претендуя на простой стакан,
как дети беспризорные вылазят
на солнышко, забыв про балаган.
Им не хватает бабочек вниманья,
жужжанья пчёл, порхания стрекоз,
они приходят для очарованья,
но охватил страну анабиоз,
и пробудить её усилия тщетны.
Чтоб всем проснуться,
нужно встать на стремяна,
взглянуть на дом, где жили честно
отец и мать, и вся моя страна.

Есть у подножия Берёзовой горы
посёлок, где я вырос, — Первомайка.
Кому-то до моей родной «дыры» —
как мне до неприступной виллы Майкла.
Черемуха, акация, сирень,
облезлые домишки, пятистенки.
Не отличишь порой от деревень
посёлки наши с городским оттенком.
Я пофамильно помню каждый двор
и поимённо — тех, с кем в детстве дрался.
Больница заменила свой забор,
а старый клуб без тополей остался.

Провинция. Провинция родная.
Озёра да курортные места.
О райской жизни молится, рыдая,
забытая столицами верста.
Безденежьем и сборами зажата,
ютится чернь в коробочках квартир
и на талоны до обещанной зарплаты
несёт с работы постненький гарниз.
И где предел живучести — не ясно.
А тот, кто сверху, весел, сыт и чист.
Растут долги за сад, за дом, за ясли...
Растет количество самоубийств.
Растет разрыв «отцов» от тысяч нищих.
Растет презренье, ненависть, вражда.
А от рождения Христа прошло две тыщи.
В России вновь: прислуга — госпожа.
У молодых развязанные руки.
У стариков есть пенсия-гарант.
А остальных раздавят по науке.
Сегодня вся Россия — коммерсант.

Торгует всем — чем можно и не можно;
всё продаётся: честь, и стяг, и крест.
И райскую провинцию безбожно
насилуют столичные «Инвест»...

Так было и вчера, и послезавтра:
автобус переполненный сквозь мат,
приправленный с утра огнём азарта,
выходит на мелентьевский «Арбат».
(Я перед женской грубостью немею
и внутренне пытаюсь оправдать:
не выжить благородному таймену,
где карпам с карасями благодать.
Но если есть различия в природе, —
и человеку их не миновать.
Как лживо там пекутся о народе,
где обезличены отец, ребёнок, мать).
Автобус — в центр,
где местная вершина,
крытая бетоном и стеклом,
живёт надеждой: серпантин-пружина
откроет ей столичный карьердром.
А по бульвару Мира демонстранты
идут к вершине той поклоны бить,
и в гневе мегафон и транспаранты:
«Мы требуем прибавить...
...бавить...
...вить...»

Прибавят: и на хлеб, и на колбасы,
на всё-на всё, народ просил — учти.
Вздохнёт автобус через год о классе,
рабочем классе, вымершем почти.

Не у подножия ли вся моя Россия?
И рыскает, и молится, и ждёт,
когда у трона праведник-мессия
объявится и нехристей сожжёт.
Амнистиями руки отмывая,
отрыгивая тех, кто уцелел,
заканчивает век ещё живая,
но от земных отторгнутая дел.
Слабеют нити красной паутины
в Европе, Азии, Америке...
Афган
напомнил нам, что выбивают клином...
чтоб встал на место интерхулиган.
Однажды прорубив окно в Европу,
мы рубим просеки во все концы Земли,
но время рвёт марионеточные стропы,
в совгавань загоняя корабли.
До той вершины, всё едино, не добраться
ни с топором, ни с лазерным ружьём.
Нам космос ближе всех цивилизаций,
ракета — лифт, мы ниже этажом.
Известно, что из космоса планета
красива, беззащитна и мала,
и голубее Родины, чем эта,
Вселенная ещё не родила.
Земля моя, ты, может быть, едина,
а может быть, одна из многих, с кем...
Моя цивилизация — вершина?
А может быть, — подножие систем?

Не в космосе гнездо родное свито:
мне спозаранку мать печёт калач.
Воображаемая лунная орбита
абстрактней для меня, чем детский плач.

Вся доброта Земли — от материнства,
вся красота её — от тех цветов,
что всходят вдоль дорог весной лучисто,
как стайка желторотеньких птенцов.
За повороты к новым горизонтам
уходит горстка и вернётся ли
хотя б один с невидимого фронта
сюда, где пуповину отсекли,
где износили не одну фуфайку,
где живы мать, отец?
Их будут ждать
не разведённые любимой Первомайкой
мосты, невесты (им ещё рожать),
автобусы с рабочей братвою
и шелестом состарившихся шин
в надежде, что когда-нибудь откроют
маршрут с подножья до невидимых вершин.
Но им не надо обольщаться:
горстка канет,
из предвершинной не вернётся мглы.
Нить, пойманная золотым ушком иглы,
сама со временем петлёй-удавкой станет.

Май 95

* * *

Не все поэты умерли;
их голоса звучат...
Я втягиваю сумерки
соломинкой луча.
Мне б толику их зрячества
с серебряного дна,
неброского изящества
скупого полотна.
Перо, любовь к словесности
сквозь сутолоку дней
и прозу неизвестности
неси, не оскудей!
Обиды пылью времени
представь, смахнув с листа,
дай насладиться бременем
Судьбы, то бишь креста.
Я наступаю паводью
на тину прошлых лет,
перебиваясь падалью
сенсаций из газет,
карабкаюсь ступенями
по циферблату дня,
обросшему безвременьем,
как сплетнями — родня.

А утром небо синее
плывёт издалека,
и вся долина — инеем,
как сединой — щека.

30.04.97

* * *

Ты готовишь побег,
он не будет внезапным.
Невозможно понять,
чем ты дышишь во сне.
Снег прошедшей зимы
холодком привокзальным
затаился в глазах,
недоступен весне.

Я не вижу к тебе
ни единой ступени
и кружу без надежд,
неустанно шепча.
Я готова обнять
и ступни, и колени,
но молений слеза,
как упрёк сгоряча,

от холодной стены —
в пустоту рикошетом.
Что мне спеть, чтобы ты
вышел нежным из сна?
Я касаюсь тебя
обезумевшим светом,
ибо тело моё
кто-то сводит с ума.

Ты боишься огня,
темноты избегаешь,
автономно паришь,
никого не любя.
В одиночестве мир
безопасней — ты знаешь,
но когда-нибудь тре-
снет твоя скорлупа.

25.01.03

Ветер

Он налетел не сразу. Сосны мирно
косились на подросший молодняк.
Сухая тень вытягивалась длинно,
сочилась на тропу сквозь березняк.

Март отступал, вылизывая корни
шершавым языком. Апрель отстал.
Затишье — признак близости погони.
Дыханье — юго-западное. Шквал!

Атака — сверху, снег последний — в жижу,
хвоинки рыжие — на перегной.
Я ненавижу ветер, ненавижу!
Холодный, тёплый — всё равно какой.

Наглец непрошенный, во все суётся щели,
назойливая тварь, свистит в ушах.
Как мне исчезнуть с этой параллели,
чтоб щупалец его не чуют в швах,

чтоб никогда лицо своё не прятать,
не щуриться, не пятиться, не рвать
застёжки телогреек? Что мне слякоты!
Я ненавижу в жизни отступать.

24.03.01

* * *

Лю-би-ма-я! ма-я — ма-я — мо-я —
гудит по скалам эхо Пусто-пусто.
Оно сегодня грустное — как я.
А я — один, и потому мне грустно.
Бросаю камешки и мучаю ежа:
играю с ним, он фыркает и злится.
Слежу за пируэтами стрижа,
одно мгновенье жаль, что я не птица.
Но так, уподобляясь, до червя
дойти недолго — мысль не остановишь.
Стремительность — знакомый почерк, я
в своих мечтах то странник, то нувóриш.
А может, по-французски — нуворíш?
Какая разница: в лесу — как в кабинете:
с самим собою вслух не говоришь,
не потому, что держишь мысль в секрете,
а просто языком намного дольше,
а ручкой и подавно — только суть.
И в результате папка много тоньше,
и кажется дешёвым этот путь.
Не буду заводиться: сам, как ёж,
с которым жизнь играет в «кошки-мышки»,
беззлобно, впрочем; грустно, но живёшь.
Мне б только солнце
поднималось из подмышки

любимой женщины и уходило вновь
по вечерам, и снова возвращалось.
Всего-то и хочу, чтобы любовь
была со мной и чтоб Земля вращалась.

6.11.99

Снежный шёпот

Какие нынче выпали снега!
Трава не скоро вылезет наружу.
Я за тобой слежу издалека.
Гордыня разъедает душу,
обида точит. На дела — плевать.
Вернуться к разговору всё сложнее.
Постфактум: нам не надо воевать.
Чуть-чуть терпимее, чуть-чуть нежнее...
Но раздражает вечный компромисс.
«Любовь обременяет» — аксиома.
Уступки — камнем. Прекрати, уймись!
Те камни — суть любого дома.

Татьянин день. Мороз исподтишка
затягивает льдом крещенские купели.
Пои собой любимого дружка,
чтоб не познал он лучшей колыбели,
чтоб горизонтом — линия бедра,
теплом земли — тепло твоих ладоней.
Прижми его к источнику добра,
чтоб не познал он полыньи бездонней.
Твой аромат есть аромат любви,
он символ счастья, эталон блаженства.
На подвиги его благослови,
яви гармонию и совершенство.

По липовой аллее, не спеша,
вхожу в любимое, признаться, время суток.
Весьма прохладно. Я, едва дыша,
себя впечатываю в сумрак
и напрягаю зрение и слух.
Полночный снег сентиментально нежен
до хруста под ногами — словно пух...
в ложбинке матовой. Но ты со мной всё реже.
И гаснет мой маниакальный бред
в черновиках, не достигая цели —
твоих ушей, не помнящих обет,
мною брошенный на пьедестал постели.

Мерцают звёзды. Полная луна
качает тени на снегу. Сугроб молчанья
в преддверии неискреннего сна
лежит в ногах казённого желанья.
Расходимся. Внесмежные миры.
Банально уступая прагматизму.
Непробиваем панцирь мишуры,
и тщетно внемлет Мнемозина атавизму:
ей память не вернёт тех звонких дней,
когда весна шалила с подсознанием
и наши чувства были зеленой,
чем всей планеты майское дыханье.

А нынче на зубах морозный хруст,
и холод медленно вползает в тело.
Озноба нет, я идеально пуст,
всё вымерло, что некогда болело.
Зачем живу? Кому служу, сосуд,
закончив миссию самца на этом свете?
Мне абсолютно безразличен суд
живущих параллельно. Вздрогнут дети,

споткнувшись о знакомый алгоритм
в каталоге родной библиотеки.
Долг соразмерен, миг неповторим.
Живу не ради строчки в картотеке.

Я обхожу заснеженный фонтан,
затерянный, заброшенный, забытый.
Ну почему мне не поётся там,
где ластится к ногам котёнок сытый,
где кто-то мягко стережёт мой сон,
входя в окно облезлой ночью тихо?
Я задыхаюсь. Асмодея стон
клокочет на губах. Душа-трусиха
моё корёжит тело, я сдаюсь —
и вновь живу. Смерть дышит мне в затылок.
Моя квартира — это некий шлюз
из бытия в небытие.
Мир слишком зыбок.

Собака верно крутится у ног,
поочерёдно поджимая лапы.
Я обхожу вниманьем недотрог,
боюсь ожога псевдохрупкой лампы.
Собачья преданность в негаснущих глазах
дороже благозвучного еля.
Сегодня я нуждаюсь в верных псах,
быть может потому, что я их злее.
Гулять, шептаться и в обнимку спать,
одно и то же чувствовать друг к другу:
покой и нежность, и возможность знать,
что кто-то и во сне твою целует руку.

На перекрёстке тешится метель,
пуская снежные воронки вдоль проспекта.
Я обеззубел от своих потерь
и поседел от мысленных «вендетта!»
Звериный вой и дикие броски
отчаянья на шёлковые стены.
Свидетели насилия тоски
над разумом — благоразумно немы.
Но память вероломно, без стыда,
по времени туда-сюда-обратно,
с учтивостью холёной: «Господа,
любой момент для вас — экраннократно».

Играя тенью, старенький фонарь
не маятник — меня в снегу полощет
и забавляется, что я, живая тварь,
подвластен свету. Господи, всё проще:
мир — чёрно-бел, жизнь — серая река,
я — островок, спасающий в ненастье
то парочку влюблённых, то врага,
то... Как фонарь, я упиваюсь властью?!
Но боже мой, всего один снежок, —
и я свободен, призрачные нити
исчезнут без следа! Один шажок,
но скольким надо вымолвить: «Простите!»

Подъезда обезличенная дверь,
за ней ещё одна, она роднее.
Мои метанья не приемлет только зверь
в тупом инстинкте самосохраненья.
Вежовых рукавицах бытия
я выполняю функции «шестёрки».
Мои раздумья — бред, галиматья.
Я возбуждаюсь тем, что против шёрстки

собой утюжу благонравный мир.
Наш диссонанс всё яростней и злее.
Мучения — как некий эликсир
Душе-вампирише, что снегов
белее...

28.01.01

Тёплая волна

На закат текла дорога,
во поле дремал стожок.
Золотистый дар от бога —
тёплый рыженький пушок.
...Нежно и необратимо
волны катят к берегам.
Я тоскую по любимым —
по глазам, губам, рукам
ждушим, требующим, жадным,
жарким, ласковым, немым...
Я тоскую по площадным
оборотикам хмельным,
по неспетым нашим песням,
шелковистым волосам,
по невыдуманным сплетням,
по рукам, губам, глазам...
Запах рыжей мятой хвои —
ностальгии эталон.
Я тоскую по неволе,
забери меня в полон.

08.09.95

* * *

в половине пятого не дома
сонная рука по волосам
и застыла сладкая истома
от затылка к шейным позвонкам
тишина покой груди забвеньё
вековая дрёма у плеча
не объятья белое томленьё
спящего калачиком луча

03.03.02

* * *

Очевидно: суть потолка
не крыша — рубеж, предел.
Глупо рваться за облака:
останешься не у дел.
Вообще, зачем эта высь? —
над толпою, над миром всем?
Одиночество, преклонись!
Ради равенства всех систем
не гони себя, не гони:
Заратустра — уже тупик.
И детей своих обмани,
будто выдохся ты и сник,
пусть уцепятся за звено
той цепи, на твоих ногах,
той, что ты разорвал давно
и нечаянно, впопыхах.
Подари им, что завещал,
раньше времени подари,
оторви их взгляд от мешан,
от убогости их оторви.

11.08.01

Сидя у огня

Разум выбирает не любимых, —
обожаящих, желанью вопреки.
Безнадёжно плаванье на льдинах
на весеннем празднике реки.

Не скупясь, любовь транжирит лето,
утренней росой щедрость для.
Уплывает облаком карета,
унося шального короля.

Утреннюю снежную порошу
не воспринимает день всерьёз.
Солнце незаметно сушит кожу,
поры забивая солью слёз.

Я не склонен раздавать советы.
Замечаю, сидя у огня:
только полюбив во мне поэта,
в жизни можно вытерпеть меня.

13.12.98

Тетива

...но остаётся память, тетива,
сыгравшая с калёной злую шутку.
Стрела в полёте, и она поёт,
что память — сухожилие Времени, оно
при сокращении спрессовывает время
до уровня, где мы есть наша мысль,
стрела, запущенная в Вечность.

2.11.02

* * *

На тебя не надыхаться,
радость грешная моя.
Оболящать и оболящаться,
утолять, не утоля.

В шёпот — снежную лавиной,
в руки — млеющей душой,
в небо — трелью соловьиной,
в очи — негой затяжной,
в нежность, милость, вдохновенье,
в трепет, праздность, естество,
в мимолётное затменьё,
в шелковистость, в колдовство,
в зной бездонного желанья,
в жар, томление, озноб,
в бесконечность, в ликование,
в сон,
    не надыхаться чтоб.

28.04.02

* * *

Я голоден, но, что существеннее, наг.
Я в облаке твоих волос и мыслей
дышу легко, как всемогущий маг
на пяточке любви двунаших жизней.
О, невесомость ласковых обид
и ревность губ к пылающему лону!
А плоть неутолённая горит,
горит и внемлет благодарно стону.
Покорность непокорно вьёт гнездо,
не принимая встречного сомненья.
А я не верю в то, что повезло.
И рад бы, да ослеп от невезенья.
Снимая пелену с моей души,
касаясь глаз влюблёнными устами,
войди в мой сон и чудо соверши,
зажги меня счастливыми слезами.

30.08.99

* * *

В тебе другая красота,
которая не превосходство.
Ты так естественна, проста,
как... перед Богом без креста.
Любить тебя
безумно
просто.

1999

* * *

Не охотник проснулся,
и не разум уснул.
Я вошёл и разулся —
будто меч отстегнул.
Взгляд и слух — воедино:
я в ладони твоей.
Если будущность мнима,
говори, не жалея.
Поединок — не травля, —
созерцание сил.
Ядовитая капля.
Но не яд — эликсир.
На волне обожанья
не от слёз горячо.
Ждёт юнца возмужанье,
в муже ищут плечо.
Если песня не льётся
в акваториях сна —
ночь змейй обовьётся
и задушит птенца.
Я вошёл и разулся.
Если чуешь врага —
срежь, пока не проснулся,
не очнулся пока.

13.10.02

* * *

На воде — круги, на небе —
радуга семи полос.

Упорхнула
безголосо, беспечально.

И никто не слышал смеха,
и никто не видел слёз.

Упорхнула
сквозь колечко обручально.

Без оков плыви свободно:
перистые — за спиной.

Упорхнула,
безответная, нелепо.

Никому не отзовётся,
никому не скажет «мой».

Упорхнула,
то ли в омут, то ли в небо.

28.07.04

* * *

Ты безнадёжно одинока
как в половодье ивы тень
на бликах энного потока
подобием бессмертья — в день.

И не пытаясь однозначно
боязни стрёкот объяснить
в который раз ты рвёшь прозрачно
влюблённой Ариадны нить.

И будут долго стены грота
хранить свечение греха
к забвению вполоборота
душа беспечна и глуха.

27.07.07

* * *

На твоём крыльце —
как на паперти?
А и дверь не та,
не ко мне молва.
Ни одна из трёх,
к слову, скатертью —
вековая пыль,
зелена канва.

Во бору лежит
диво-озеро,
шелестит камыш
по глухим углам.
Как по осени
заморозило,
так и спит душа.
Сердце пополам

расколелось,
да не вовремя:
днём живой воды
не найти-сыскать.
На любой из трёх —
огонь-полымя.
На Руси за честь
за любовь страдать.

30.04.07

* * *

Безумный август.
Звездопады и дожди.
Туманами настояны покосы.
Речные заводи — цветные витражи.
Оплавленные зноем кроны сосен.

Тишайшая предутренняя мгла.
Ночь на исходе, на исходе лето.
Вплетаю запахи таёжного угла
в мелодию неспетого куплета.

Стекают в память медленно часы.
Беспочвенную грусть не примет небо,
противясь штампу бледной полосы
над этим миром, где я — точно — не был.

16.10.03

* * *

В сети — рыба, не луна,
ну, а чем луна не рыба.
И плетёт паук проворно
на луну ночную сеть.

Как воздушную мишень,
лепестками забивает
все ячейки глупый ветер,
увлечён игрою в дартс.

Озадачен паучок:
не луна, но как похоже.
И согласно оставляет
нам изящное панно.

20.07.06

* * *

Капли
крови, дёгтя и росы,
слёз невольных — радости и боли,
отголоски яростной грозы,
превратившейся в хрусталик соли.

Капли
неоправданных надежд
опрометчивых обид, упрёков,
выходов бесславных на манеж,
проявлений мыслимых пороков.

Капли
простоты и суеты
еженощных бдений и угара,
капли дней минувших,
капли дара,
жизни полновесные следы.

15.02.05

* * *

Ты разбери мои руины,
прочти скрижали и прикинь,
способны ли мои седины
заполнить вакуум богинь.

Неужто мой курчавый пепел,
познавший тайны бытия,
очистит божий дар от плевел,
неординарность сохраняя,

и на волне тепла и боли
откроет женщине себя?
Судьба покинутых гнездовий —
без мистики — моя судьба.

20.08.02

М. Ц.

* * *

По твоим следам — тело в оторопь,
ибо тень моя на твою двойной
темнотой пойдёт, чуя неба топь.
Облака вскипят меж тобой и мной,
как молочный чан — в языках костра
(молодильный чан — как любовь — без дна).
Ты прошла его. Речь твоя — остра,
протянись ко мне шепотком из сна,
заструись дождём нежно-голубым,
водопадом ли золотых волос —
я отвечу: свет ест глаза как дым,
никогда так сладко мне не спалось.
Даже если всё и не так срослось —
да не убоюсь лебединого
твоего крыла — белой мою кость
воронью не зреть, мы единого
поля ягоды: в белом пахари.
Ни души на том, на крутом юру.
По твоим следам — не от страха ли,
что собьюсь в пути, не туда сверну? —
Я кружу в ночи и без посоха
по приметам, ведомым только нам.
Ты ответь на зов мягким всполохом,
чтоб поверил я этим странным снам.

6.09.03

* * *

Арбуз и торт —
запляшет ива глупая.
А я, входя в застиранный пейзаж,
отмечу про себя сиянье купола
и не услышу что-то про метраж.
Ты, гулкая, спросонья мило гукаешь,
перебирая пряди на плече,
и о любви пока ещё не думаешь,
не думаешь о жизни вообще,
порхаешь белокрылым парашютиком,
без страха в вышине своей паришь,
зовёшь упрямо солнце рыжим чудиком,
«Махнём, — безумным шепотом, — в Париж!»

28.07.07

* * *

О, мой азарт, чем объяснить
твою внезапную усталость?
Мне вновь сегодня не писалось,
как будто тоньше стала нить
меж мной и миром. Горяча
ладонь уснувшей на коленях.
Мне жизнь накручивает пени,
я не перечу, дочь-свеча
без моего огня, как знать,
найдёт ли верный путь в тумане.
На Библии и на Коране
готов я клятву Силе дать
и заложить остаток дней,
дарованных мне кем-то свыше,
за то, чтоб дождь не пел на крыше,
покуда боль в душе моей,
покуда хворь сильнее сна
и дочка мечется от жара,
покуда смерти зримо жало,
как жилка у её виска.
...И вот испарина на лбу —
прозрачной весточкой победы.
Открыла глазки привереда:
— Как я таблетки не люблю.

06.04.97

* * *

Сейчас все мысли только о тебе.
Я провожу смешные параллели
о муках одиночества в судьбе,
об ужасе космической купели.
Отчаянье, безвыходность и злость.
Надежда — слабый фитилёк лампы.
Любой нечаянный, незванный гость
ласкает слух бессмысленной тирадой.
Мир за окном — прозрачную стеной,
понятен до подробностей плаката.
По нашей аналогии земной
квартира — та же камера, палата.
Меняя угол в нервной суете,
осенним холодом пронизанная насквозь
на перекрестке мнений о себе
ты зацепилась, боль в кошачью цапкость
преобразив, но это — первый круг
неведомых препятствий, жди цунами.
Когда тебе не хватит силы рук,
держись за жизнь зубами.

10.01.02

Диссонанс

Уходишь. По всему — пора.
А сердце в крике петушином бьётся.
Выходишь. Из-под моего пера.
И тонет взгляд монетою в колодце
моей души бездонной; загадай,
чтоб занесло когда-нибудь попутным ветром
тебя в разрушенный сегодня рай
из той Галактики с невыдуманым центром.
Уходишь. Так тому и быть.
Укроет иней ветку за оконцем.
И я остыну. Будет тихо плыть
закатное оранжевое солнце,
невозмутимо ждущее тебя
в долине грёз, где горизонт оплавлен:
чтоб не делить, условности блюда,
наш мир на день и ночь, на тень и славу.
Уходишь, оставляя мне
поляну, обожжённую цветами,
и небо, угнетённое вдвойне
сугробо-кучевыми облаками.
Лишённый ожидания мой плот
закружится забытой каруселью.
Уходишь ты, и пустота — врасплох —
над прибранной по-девичьи постелью.

23.07.98

* * *

Зима длинней свечи у изголовья
январской ночи. Белый воск слезы
теплой луча слепящего, с любовью
идушего от утренней звезды.
Глубокий сон весенних чаш отрадней
романса городских теней.
Прозрачный шелест будней беспощадней
зеркал в прихожей старости моей.

02.03.96

С. Ф. Каратову

Хорошо, что всё срослось,
хорошо, что получилось.
Даже я, незванный гость,
не испортил то, что снилось
некогда, тенистым садом
на Тверском, пополудни
или в полночь, конокрадам
в девятнадцатом... Верни,
несговорчивая Клио,
нам гусарские века,
где — поэты не пугливы
и созвучны берега
рек Кавказа и Кубани,
где от Дона до Невы
воспевали Русь славяне,
внемля голосу Москвы...
На Тверском стою, от шума
медной тенью отстранясь.
Ностальгия, память, дума,
голос крови, корни, связь.

01.04.04

* * *

Жизнь прошла — не прошла,
но об этом как будто не надо.
Колготится народ,
свои счёты с обрыдлым сводя.
Внекиношные страсти кипят,
и ночная прохлада
лебединым крылом
овекает прожилочки дня.
Ни за что ни про что
раздраженье от выпитой рюмки,
от сгоревшей свечи
и пещерного лепета тел.
Просочившийся сон
осторожно касается думки
о двуликой свободе
оставшихся вдруг не у дел.
На чуть-чуть отступив,
близоруко пугаемся тени.
Посмотри на узор наших жизней
и тропок внахлёт.
Я устал от любви, не сердись,
мой безнравственный гений.
Время тянется вдаль,
неподсудно теряясь у звёзд.

6.11.05

* * *

С героями полуночных стихов
спонтанный диалог без спиритизма
веду на уровне обычных снов,
в которых нет дневного реализма.
Вотдельные минуты голоса
смещают тишину, и ретро-звуки
проходят сквозь меня на небеса.
Я нейропроводник, канал в бамбуке.
Таких, как я, немало на Земле.
Призвание это или наказание?
Живу, вгоняя сумерки в сознание,
и растворяюсь в бесконечной мгле.

15.09.02

* * *

Не искушать, а искушённым быть.
Не чью-то жизнь присутствием разбить,
а собственную пропастью проверить.
Лететь в объятия страсти мотыльком, —
в груди отчаянья солёный ком
взорвётся, распахнув все мыслимые двери.
Полыню на обветренных губах
прогоркло наследит животный страх
пред неизвестностью любви и смерти.
Двуликий образ вечно предо мной.
Дыханье ночи чувствую спиной,
от прошлого — осадок круговерти.
Судьба всегда маячит впереди.
Желание, сомненья упреди,
любовь укажет верную дорогу.
В глазах судьбы звездой сияет честь.
Узлов на длинной памяти не счесть,
они рождают смутную тревогу.

29.09.99

* * *

Ты — оборванный,
я — ободранный.
До непонятого стыда.
Вбеззащитности
(мною пройденной)
не похож ты на города,
уходящие в рост не верою —
этажами, огнями — в ширь.
Оглушенный душою серою,
не смущайся обилья дыр
на фасадах:
не ветхость облика
губит наше желанье жить,
а внушённая участь кролика.
Мы — условное поле ржи
на бескрайних просторах
Родины,
позабытое в суете.
Беззаветною болью бродим мы.
Ждём — забродят ли
тем же
те?

18.04.04

* * *

И всё ж я окольцован. Изнутри.
Таки себя теряю в этом круге.
Но сколько в собственную душу ни смотри,
она не выдаст, в чём её потуги.
Зеркально отшлифованным яйцом
без крапинки намёка на открытость
душа с невозбраняемым лицом
следит за мной, и это ли не дикость —
спокойно созерцать, как я тону
в ежовых обстоятельствах реалий,
из сотен судеб ставка на одну,
и выбор — обезличенное ралли
с неведомым — по времени — концом,
с невидимой — по ходу гонки — целью,
бок о бок с простодушным подлецом,
и днем и ночью — в люльке карусели.
Таков расклад. По жёлобу судьбы
ползу вперёд и выгляжу убого.
Куда мне повернуть свои стопы,
чтоб всё сошлось:

30.05.99

* * *

Рисунок тыльной стороны
ладони чуден.

Ты знаешь, как я рад
общению с тобой.

Ручьём из-под камней —
твой голос из-за буден.

Соприкасаюсь я
щекой с твоей судьбой.

Остывшая Земля,
похожая на кокон,
на солнечном луче
висит своим мирком.

Я уберу со лба
рассыпавшийся локон
и обовью тебя
вечерним ветерком.

Август 95

* * *

Нити солнца в ушко зрачка
утром вдень.
Человек есть конец луча,
дальше — тень.
От себя, поверь, не уйти,
это край.
Оглянись назад: все пути —
в ад иль рай —
на тебе сошлись. Ты есть мост
в никуда,
и любой ответ на вопрос
прост, когда,
понимая, что живешь —
по судьбе,
тень любимой не найдёшь
на себе.

15.10.96

* * *

Седая женщина напротив пьёт вино.
Скороговоркою — о склоках на работе
слова, как старые костяшки домино,
бегут от понедельника к субботе,
логично им пристроились вослед
эмоции по поводу погоды,
и, завершая праздничный обед,
слетает вздох на недоступность моды,
Так год за годом, в память оседая,
в цепочке той займу своё звено.
Седая женщина напротив пьёт вино.
Седая женщина —
жена моя седая.

Февраль 95

* * *

Но за что эта скатерть
бесконечных равнин,
укатавших меня до холодного камня?
Лёгкость некогда скорбных седин,
ретромания муракамья.
Неприкаянность улиц,
по которым хожу,
беспризорных детей почерневшие лица.
Опрометчиво буднями не дорожу,
не сопьюсь, если кинет столица.
Я кручу карусель без мозолей в душе,
по разбитой тропе ковыляю без трости.
Я уже постарел, спотыкаюсь уже
и почти позабыл тех,
кто хаживал в гости.
Мне осталось чуть-чуть
до прибрежных ракии,
до холодных камней,
до строки обручальной,
до последней своей
беспечальной строки.
В этом мире я гость.
Я попал к вам случайно.

19.02.05

* * *

Сегодня рано подводить итоги
обид, успехов, загнанных ночей.
Мозаика задуманной эклоги
и амплитуда солнечных качель
суфлируют, опережая сроки,
когда и сколько, чтоб не опоздать.
Идущие со дна дороже строки:
им легче дух эпохи передать.
Я не теку ещё, я только вытекаю,
я есть начало будущей реки.
Колечки прошлого по строчке выпускаю,
скрипя седой щетиною щеки.
У памяти моей свои истоки,
обжитые ветрами берега.
У будущего — скрытые пороги,
объятья друга и тиски врага.
Наличие прекрасного кинжала —
не повод им повсюду козырять.
У каждого оружия есть жало
и добрая — по сути — рукоять.
Перо в моей руке короче мысли,
строка длиннее прожитого дня.
Грядущего безоблачные выси
сегодня шлют мне благодать дождя.

10.06.96

* * *

Разбирая пути
и сжигая мосты возвращения,
мы пытаемся обойти
вероятность сближенья.
Ситуация такова,
что взаимная близорукость
до курьёза права.
Отчужденья упругость
ощущается мной
поразительно внятно,
холодок за спиной
подгоняет бестактно,
вытесняет за круг:
уважай муравейник.
Я не враг и не друг —
времени пленник.

07.04.06

Кенотафия

Ошибки не было. Отсутствие расчёта
определяло вариант игры без жертв.
Их отношения в стадии полёта
обрезал властно дирижёрский жест.
Глубокий резонанс сложенья ритмов
и — вдребезги идиллия любви.
Восставший мир, антагонизм, паденье Рима.
И только миф о празднике — в крови.
На тропах, параллельных подсознанию,
твои следы: дрожанье губ и век.
Лишён дионисийского дыханья,
я завершаю сумасшедший бег
и возвращаюсь в сумерки подъезда.
На стенах — тень рябины за окном,
и липкий страх, что кто-то занял место.
Как бесконечен этот поезд-дом!
Вдоль запертых дверей (они враждебны)
лечу, не находя среди них одной.
Не отпускает ужас перманентный:
ошибся, пропустил, увёл другой...
Кружу по заколдованному кругу,
спиралью — вверх, сжигая все мосты.
Перила кончились, последнюю фрамугу —
всем корпусом и — где-же-где-же-ты...

У города лицо окаменело,
не город — кенотаф. Внизу — река
(надеюсь, что не Стикс) не обмелела:
в черёмухе цветущей берега.
Вгрудь стучит невозмутимо сердце,
мой поводырь средь хаоса и бед.
И тему повторяя, интермеццо
звучит в ушах, но я не кифаред.
Когда на улицы Гаваны выпал ливень
в далеком, знойном, ярком феврале,
мои глаза прикрыл хрустящий иней,
твой образ предлагая — си ль ву пле.
Опережая мыслей расстоянья,
прописывая будущий альянс,
тот аромат от губ вошёл в сознание
и медленно повёл друг к другу нас.
Ошибки не было, и встреча состоялась,
и было всё, но было всё — не так,
и ни при чём расчетливая старость, —
весомей незамеченный пустяк:
различны измерения печали,
стремительность — и океанский штиль,
единство душ маренговых — в начале,
и безнадёжно разный взгляд на шпиль,
сверкающий у звёздного порога,
дрожащий конус взлётной полосы.
Ты ничего не видишь выше Бога,
я не вмещаюсь на твои весы.
И как же мне делить с тобою ложе?
Я от рожденья рву диагональ.
Жизнь у земли слепа и толстокожа.
Я — тетива, пускающая вдаль
не стрелы, а детей с орлиным взором;
им покорять другую высоту.

Пусть жизнь мою сочтут иные вздором,
но я чрез поколения прорасту.
Во мне звенит подкова Малекона.
Весь социум — тисками передрыг.
Предчувствуя судьбу Лаокоона,
я перевоплощаюсь в некий стяг.
Ошибки нет. Всё, что случилось ныне,
вся жизнь моя до нынешнего дня
есть кенотаф: известны дата, имя.
Я — серый камень. Вкруг него родня,
спустя года, на миг замрёт и — дальше.
Я — миг из будущего, термин мысли вскользь.
Я — гость, который, может быть, не старше
тех, с кем увидеться живьём не привелось.
Я обросту молвой, я до молвы усохну,
до незначительных, случайных, мелких фраз,
я (пренебрегну эвфемизмом) скоро сдохну —
и канут в Лету все, о ком сейчас
я вспоминаю с нежностью и болью,
с кем связан был, кого любил, люблю,
кого я обделил своей любовью
и те, кого вниманьем обделю.
Мой мир лучами связан со Вселенной,
с аналогичными мирами, однокл.
Копилка с перлами, достойными разменной.
А, в сущности, я страшно одинок.
Потребность примолчать давно назрела.
Для фуги пауза — ступенька в гололёд.
Чуть-чуть — тепла. Душа не отсырела,
но в тягость ей невидимый полёт.
Спокойствие, рассудочность тревожат.
Мне возразят негромко: твой же стиль.
Ошибки нет. Сомненья разум гложут.

Туман. Нелётная.
Взгляд молча ищет шпиль.

gloria

Над головой потух фонарь.
Исчезли тени.
Ты облегченно выдохнула «нет».
Нет перспектив у наших отношений,
рассыпался надуманный сюжет.
Как будто не было ни мига обмиранья,
ни воркованья, ни беспечных дней,
ночного ритуального купанья,
застолья у рождественских свечей,
ни бесконечных телефонных трелей,
ни вырванных из графика «окон»,
ни пены вздыбленных колен,
ни трений,
входящих ежедневно в нервный сон.
Нет - тем мгновеньям,
из которых скупю -
мазок к мазку - рождался твой пассаж,
он годы вызревал во мне подспудно:
то исчезая, то являясь как мираж,
морщинки множа как зарубки. Память
о каждой встрече - в лабиринте дней,
и весь мой мир одной тобою занят,
в нем тысячи горящих фонарей.
Над головой потух фонарь.
Тьма овдовела.
Альтернативой бледная Луна
повисла на ветвях любви несмело —
как отрицание космического дна.
Из ниоткуда в никуда, не обрываясь

ни в будущем, ни в прошлом,
мы живём
на параллелях времени, касаясь
слегка друг друга мысленным дождём.
И сколько б жизнь не расставляла пауз,
мы онеметь не в силах навсегда.
И с губ сорвавшийся отказ
есть некий казус
и сушая — для слуха — ерунда.
По-прежнему
ты дышишь мне в затылок
из всех зеркал, включая гладь озёр,
я отмечаю массу предпосылок,
сближению способствующих, взор,
рассеянность утратив, стал капризней
и норовит вернуться в тихий дом,
где было так уютно нашим жизням
на вираже упругом и крутом.
Вразумной повседневности абсурда
ни ты, ни я не воплотимся в МЫ.
Фонарь потух. Исчезла тень котурна,
исчезла ложь, есть чистый саван тьмы.
Нет облика, нет голоса, нет грима.
Единственным критерием любви
остались только чувства, ты — любима.
Ошибки не было, но жало «се ля ви»
дамокловым мечом висит над нами.
Навязчивой идеей — суицид.
Затравленно слежу за облаками,
но мне мешают страх и ложный стыд.
Жизнь после смерти —
блеф, рычаг религий.
Противна психология раба.
Нелепа установка на вериги

тому, кто не полезнее клопа,
и смерть его естественна как выдох,
как выход в Зазеркалье, в запредел,
где безусловно и опять же правит Идол
иль Разум, праотец астральных тел.
Фонарь потух, и рой ассоциаций,
лишённый притяжения к огню,
рассыпался. Калейдоскоп абстракций
зациклился на Кубе. Авеню.
Полночный ливень. Маятник. Качанье.
Межклеточный сквозняк.
Вневременной зазор,
как Вакуум. Не пауза — молчанье.
Провал. Причинность. Шпиль.
И — коридор...

10.04.2000

Конус жизни

Не хочу о грядущей дороге,
ибо — что там? — трава-мурава.
Не хочу, заплетаются руки и ноги,
заплетаются даже простые слова.
Правый глаз режет свет, левый — тьма донимает,
дождь по косточкам бьёт, солнце лёгкие жмёт,
а таблетки бессонницу отнимают,
отнимается всё: время тело жуёт,
бледный череп лысеет,
дрябнет щёк синева,
старость волю имеет,
смерть имеет права.
Остаётся —
трава-
мурава.

02.09.06

* * *

Входя в сознание мысленно, без тела,
я понимал, что в разряжённом «я»,
на уровне физическом, грубела
разумность до рефлексов бытия.
В симметрии двух дат мешалось что-то.
Меня ловил уже другой поток.
Я падал в свет, что излучали соты,
и просыпалось тело, правый бок
слегка ломило: кофе, вина, гены.
Не выйти за означенный предел,
пока пульсирует поток по венам.
Я не достиг того, чего хотел.
Кому-то мой визит принес удачу,
кому-то ужас с болью пополам.
Что я не встретил никого — ещё не значит,
что и меня никто не видел там.

* * *

Не хватает солнца. Я не мёрзну,
но без неба жизненная клетка
угнетает. Усмехаясь, звёзды
обещали иск мой рассмотреть.

Не хватает простоты по будням:
нарываешься на гонор тут и там.
На своём стоять совсем не трудно —
скучно, намекаю я богам.

Не хватает времени, свободы,
денег, чтобы книги прикупать.
Отнимают всё мои работы.
Говорят, своя не тянет кладь.

Отчего судьба неблагосклонна? —
вопрошаю, глядя в зеркала.
В органайзере от матери иконка,
что хранит от зависти и зла.

18.02.06

* * *

Выдержать удар судьбы,
не расплакавшись в жилетку.
«От тюрьмы да от сумы...»,
как оттянутую ветку,
помню и молчу, зажав
рот ладошкой шершавой,
сын великой из держав,
разменявшей честь и славу.

22.03.03

Новоандреевка

И всё не то и как-то однобоко.
Устал от каламбура и «воды».
Без свежей крови не найти порога,
без новых слёз не выудить беды.

Затянутую льдом не переправу —
дорогу жизни — снегом замело.
А мартовское солнце светит браво
и плавится в его лучах село.
Жизнь за окном течёт неторопливо,
мелка в уюте, хлопотах, молве.
Быть может, в этом русле и крапива
к босым ногам приветлива вполне.
У новой школы строгая аллея,
автобус атакует детвора.
Когда-нибудь вернусь и пожалею,
что не имею своего двора.

06.03.06

* * *

Сгибаюсь под ношей дня,
упрек суете наигран:
в коктейле судьбы изъяны
заложены мной, родня,
всхлип с отчаянным криком,
эхо с сутью поляны.
Исходом не удручён,
похlebка из чечевицы
не обжигает пятки.
И мой одноместный чёлн
раненой с виду птицей
с жизнью играет в прятки.

6.02.2000

* * *

Прикоснись и пойми: жить без точки опоры —
кровь черней сточных вод, в недрах памяти ил.
Век минувший забил пеплом бронхи и поры.
Наш ковчег — углый чёлн без руля и ветрил.

Кокон — мёртвый сезон. Не прорежутся крылья.
Влетаргическом сне колыбелька-земля.
Панацея от зла, слепоты и бессилья.
Это боль. Это скорбь. Всё начнётся с нуля.

11.07.07

* * *

Мне не хватает времени для сна,
и не хватает сна, чтобы проснуться.
Я знаю наперёд, где увернуться,
чтоб не задела хищная блесна.
Я помню точно, сколько будет лет
мне в лето наивысшего подъёма
и представляю контуры объёма,
и в тяжести его секрета нет.
Я приближаюсь к дате на плите
со скоростью курьерского и вижу,
что временем себя я не обижу,
но глубину мою поймут не те,
кто проживет со мной последний год
и бросит горсть земли на крышку гроба,
кто скажет, что я вышел из народа...
А я не вышел, я и есть народ.
Мне долго тлеть лучиною в избе,
кому-то воссиять на небосводе,
а я ищу со всеми путь к свободе
и не завидую своей судьбе.

Июль 95

* * *

За вибрацией дождя
на размытом перекрёстке
время лечит одиноких,
подменяя пылью боль.
Окончательно пройдут
обоснованные страхи,
состоятельные вздохи
в лёгкий превратятся снег.
И злосчастная петля
снова нитью горизонта
обозначится на звёздном
древней тайною любви.

30.04.07

* * *

Декабрист не цветёт, а декабрь на исходе.
Копошится души безголосая тень,
как бродяга в подземном ночном переходе.
О любви — ни гу-гу, ты живая мишень.

Рождество на носу, хвойный запах в квартире.
Огоньки от гирлянд злобно скачут в глазах.
Окружающий мир сжат до прорези в тире,
и ползёт по ногам тело ужаса в пах.

Канонада в мозгу, тишина в перепонки,
плотный воздух, удушье и слёзы ручьём.
То ли стон, то ли вой потрясённой душонки.
Чья-то тень безымянная в небе ночном.

27.12.06

М. Ц.

* * *

Я твоего не слышу голоса,
но возбужденье жжёт меня,
когда в ночи пылинкой хроноса
скользишь по кромке сна, маня
не броским жестом — тайной образа,
не плотью — призраком немым;
при адекватной силе тормоза
твой зов не кажется крутым.
Противоядием от страха —
вопрос-ответ, вопрос-ответ.
Забыв про шапку Мономаха
и я включить пытался свет,
тебя тем самым озадачив,
обидев — как дошло потом.
От щедрости твоей беззвучно плачу:
общаться ты приходишь в дом.
И вновь стоишь у изголовья,
безмолвьем тело леденя.
Мы одного с тобой сословья,
иди, я догоню тебя.

10.12..97

* * *

Зима прошла. И после долгой спячки,
минут забвения, побегов, глупых сцен,
забыв про незажившие болячки,
бросаю мир, где царствует Базен,
где день без времени своим тиранством
доводит до отчаянья огня.
Я выскоблен до белизны пространством.
Планета — клеть. Не только для меня.
Толпа шуршит листвою заскорузлой,
гонима ветром вешних перемен.
Мой длинный путь сочтут тропую узкой
напрасных жертв, ошибок и измен.

6.04.97

* * *

От жизни взял, что мог,
и большего не надо,
безропотно давлюсь
молчанием своим.
Вокруг одна вода,
безмолвная блокада.
За горизонтом — мир
и радуга за ним.
Не сутки, не часы —
одно сплошное время,
и тянется оно
туманным сквозняком,
но отрицающья мысль,
бесперспективно зрея,
откликнется во мне
моим же языком.
Без оторопи, без
сознания ухода,
на памятном витке,
на пульсе, вдохе, на...
Я даже не пойму
момента перехода,
и лишь потом всплывёт
(меж строк) моя вина.

08.01.04

* * *

Этот сон прозреет мной
осторожными губами
и грядущей сединой
и чужими облаками
в белокаменной реке
валуны за валунами
по откинутой руке
осторожными губами
выйдут сдерживая стон
непросохшие песчинки
отрезают путь к ложбинке
той в которой этот сон

04.01.07

Биопауза

Нам не открыть таинственную дверь,
с той стороны придавленную светом.
Мы не считаем собственных потерь
в пути от человечности. При этом
нам кажется, что память — суть добра.
Кто помнит сумму (как иная клетка)
рефлексов от адамова ребра,
есть временная био-марьонетка.
субстанция ума — не человек.
Я в этом убежден. «Я» не имеет тела.
Мой дискомфорт командует мне: «Брек».
Я вижу выход.
Биопауза.

2004

Эклога (осенняя)

Притворно-приторный зевок
околицы со взбитым стогом,
пленённым выгоном и логом,
опровергал высокий слог
о русской убранной деревне
с калиной красной под окном,
от сглаза стерегущей дом,
согласно местному поверью.

Туман над тихою водой
парно клубился, открывая
мосток у баньки, уток стаю,
меня, сидящего с удой
осенним утром у затона...
А завтра вновь заморосит,
но ненадолго, — бог простит
меня, безбожника с кордона.

Ещё на парочку недель
я буду равен всей природе —
как тот камыш, как листик вроде,
что выброшен рекой на мель.

Сезон дождей сместится к югу,
и гомон перелётных птиц,
упавший было клином ниц,
мерещиться не будет лугу.

17.10.99

Невеста

Что-то в тебе — от мальчика
в платьице от сестры,
что-то — от одуванчика
липовой красоты.
Ни подойти, ни сблизиться:
мыльный пузырь прочней.
Милости именинница
в свете Его очей.
Век тебе не обабиться.
Господи, сохрани
чистеньким — это платьице,
лунными — эти дни.
Пламя свечи колеблется
ветром нездешних грёз.
Право твоё — надеяться —
тает под взглядом звёзд.

20.04.99

* * *

*Мне нравится, что вы
больны не мной...*

М. Цветаева

Кого люблю всем сердцем и душой —
растоптанной и загнанным — помилуй.
Мне кажется, что здесь я всем чужой.
Я обожжён невидимой крапивой
нездешней ядовитости. Молчи,
не отрицай и не иронизируй,
саднит внутри, и сколько ни сучи,
ни раздирай на части, ни массируй —
невнятный зуд не остудить как боль,
не захлебнуться милостью от жажды.
О, безответная крылатая юдоль,
коснувшаяся губ моих однажды...

* * *

Закрой глаза, раскинь предельно руки
и тихо поднимись над кромкой сна,
и не заметишь, как растают звуки,
и не узнаешь, что коснулся дна.

август 2006

* * *

Я не пекусь о старости, она
в мои не входит жизненные планы.
Отпущенное свыше я сполна
имею здесь, сегодня, без обмана.
Загадывать, беречься, дорожить —
тянуть через соломинку денёчки.
А я спешу, и как же не спешить:
я след ищу своей последней строчки.
Погоня, темп, уже мелькает суть,
в последний миг — обвал, провал и — пусто.
Нелепое желанье — отдохнуть
и потянуться после сна до хруста.
Ах, не запнуться б в спешке о тела
двух пацанов на лестничной площадке,
что в дреме ищут весточку тепла
в дыхании друг друга, в отпечатке
дыхания того на рукаве
замызанной донельзя телогрейки.
Сегодня утром иней на траве,
и не поётся нашей канарейке.

3.06.02

* * *

Иногда окрыляешь,
иногда тормозишь.
Никогда не узнаешь,
с кем, покорная, спишь.

Паучком — в междуречье,
сквозь ушко — в черепок,
и — по самые плечи,
и клинок — под сосок.

Раскрою бормотанье
на четыре стежка:
пара губ для дыханья,
пара губ для дружка.

Белоснежная, таешь
и пливёшь, и паришь,
старика окрыляешь,
что податливо льстишь

не движением даже, —
обмираньем души.
Лепотой макияжа
растеклась и лежи.

19.03.08

* * *

Сомнительное счастье не спасёт
от одиночества. Пронзительная осень
гербарий памяти услужливо несёт,
когда о том её никто не просит.

Вечерний сумрак смывает грим с лица.
Ночная свежесть успокоит сердце.
Душа скользнёт в немой колодец сна,
скупой любовью не желая греться.

Сеть ревностно недремлющих очей,
капризный тон обиженной гордыни...
Оазисы украденных ночей
плывут над
                    болью выжженной
  пустыней.

7.06.99

* * *

Напрасно объяснять кому-то, даже внуку,
что воздух — это мы, он плотен потому.
А мы (обратный счёт) есть сон души по кругу,
внушаемый творцом неявному уму.
Отсюда жизнь есть сон, мы — призраки столетий,
шныряем во плоти по био-поясам
и думаем, что смерть бутонов и соцветий
касается не нас, но мысленным слезам
доверься, ибо здесь сокрыт сакральный смысл
единства всех и вся, а истина — во сне.
Но не расшифровать пока нам тайных писем.
А мы ли — адресат тех импульсов извне?

02.09.06

* * *

вне памяти отдельным холостым
ты ошибаешься
они идут на эхо
и беспардонно вкатывают дым
орех яйцо кокос кому потеха
воздушный гриб над островком любви
до корня наций
племя точит бусы
из спёкшихся
двух капель спермы на крови
злодеи гении герои трусы
настенных комиксов вчерашних пирамид
спираль лучу в движеньи не помеха
природа помнит кто-нибудь родит
дитя любви
не ты
я тень
я эхо

12.02.08

* * *

Стихов, ещё чего-то,
чего-то и стихов.
Отчаянье, икота,
зима без островов.
Идущий к парапету
с желанием упасть
в невидимую Лету
иль пагубную страсть.
Хлебнуть дерьма и сбиться
с кошмара в перемат,
где курица — не птица,
а баба — сущий ад.
Февраль на двадцать восемь
споткнётся — носом в март.
Поэт стихов накосит,
напишет песен бард.
Но Муза, между прочим,
из откровенных снов
кому-то напороочит
чего-то и стихов.

12.02.08

* * *

Сильнее лести лишь гипноз.
Коварен поцелуй.
Неутешителен прогноз.
Напор воздушных струй
то — в космос, душу леденя,
то в жар, то в бой, то в тишь.
Напрасен танец у огня,
ты всё равно сгоришь.
Но, вопреки рассудку, боль
желаннее тепла,
не 36 и 6, а сбой,
гипноз на грани зла.
Уже безумие в глазах,
уже огнём объят,
и шепоток на небесах:
«Огнём любви распят».
И безразличны: суета,
молва и судный день.
Вкус жизни — в любящих устах,
всё остальное — тлень.

12.02.08

* * *

Издалека, не замечай каприза,
входи в оплавленную временем купель.
Порханьем мотылька, дыханьем бриза
мазком-другим — в ночную акварель.
Припухшая луна затмит собою
все звёзды неба, только не тебя.
Ступай, касаясь вечности рукою,
свечением своим безмолвье для.
Гармонией подлунного сознания,
души, природы, жизни, бытия —
ты — Женщина, и выше нет призванья.
А я — твоё капризное дитя.

15.12.06

* * *

Ночь за окном. Отстреливает звёзды
невидимый стрелок. Как вид осадков,
их не приемлет даже астроном,
поскольку пыль ночная — не серьёзно.
А ты вздохнёшь, потягиваясь сладко,
и удивишь: «В душе, как за окном»,
на звёзды намекая иль на темень,
на праздник или маятность минуты,
на счастье или долю без любви.
А за плечами — сотни академий,
и опыта багаж, но почему-то
страх одиночества и, рви-не-рви
молчания петлю экраном теле,
ночная тьма затягивает душу,
и не спасает даже звездопад.
Телепортация во сне, и на пределе
(туда-сюда-обратно-не наружу)
тупое возвращение назад,
в сырое или серое, не важно,
устав в конец от бесконечной гонки
и безысходность приглушив вином,
ты шепчешь в угол по ночам бесстрашно:
«Я не боюсь космической воронки,
бездонной, словно пропасть за окном».

16.04.05

* * *

Это я и не я,
но пойдя расспроси недотрогу,
будет глазки косить
(полупьяная будто умней),
подавляя зевок,
а вернее всего — икоту,
запахнётся, растягивая
«на-лей»
и — неважно: запить свой испуг
от шкалы интеллекта,
наследившего с вечера
на барабанной строке.
Азиатские бредни
вдоль Ленинского проспекта
растворяются в сумерках на сквозняке.
И беги-не беги, словно в капсуле мига,
по Лете, —
не собрать воедино
зёрна мыслей с того языка,
на котором — Иисус,
да ещё — неосознанно — дети,
не оболваненные пока.
22.11.05

* * *

Не губи желтокрылых синиц,
не корми терпким яблоком с древа.
Острозубая стая лисиц
обойдёт обессиленных слева
или справа, и хрустнет перо,
и листва не поймёт униженья.
Косметически зло под добро,
плен не плен — холодок окруженья.
До успеха — года. Седина —
память травли, потерь и падений,
постигаемая глубина
выживания поколений.
По осеннему саду пройдусь.
Ничего в этой жизни не надо.
Замурюю бесплодную грусть
в недоступном для беглого взгляда.
Опадает листва день за днём.
По дороге позёмка змеится.
Не прикармливай славой синицу,
не губи душу адским огнём.

14.02.06

* * *

Ночная степь. Глоток кумыса.
Кострище. Говор. Неба жуть.
Вот так затягивает суть,
когда едва коснешься смысла.
Сомненья гасятся дыханьем,
и даже не дыханьем, нет, —
каким-то гнётом эпохальным
невидимых с земли планет.
В мерцаньи звёзд над головою
таится неподвластный ритм.
Мгновеньями, а не водою
течёт тысячелетий грим.
Я не скажу, что верю в Бога,
и что не верю — не скажу.
Ташусь от голубого вздоха,
скользя лучом по этажу.

13.02.97

* * *

звёзды слева звёзды справа
губы шея шея грудь
этот длинный-длинный путь
горько-пряная отравка
по коралловой застёжке
я вернусь в немой тоске
вкус травы на языке
от твоей росинки в ложке
звёздный мир вокруг воронкой
за тобой теку теку...
счастьем после нареку
глубину со звёздной кромкой

26.10.99

Притяжение

Снежинкой на карнизе летней дачи,
простреленной навывлет сквозняком, —
твоя душа к моей.

Вглухой колодец осени бездонной
сорвавшимся с крутых небес лучом —
твоя душа к моей.

Рябинкой, поутру заиндепевшей,
ещё не склёванной оравой воробьёв, —
твоя душа к моей.

Прозрачным льдом от берега к стремнине,
ломаюсь, отступая, день за днём, —
твоя душа к моей.

Морским приливом, пядь за пядью, ночью
глотаю все отбросы мира, дня, —
твоя душа к моей.

Всегда и всюду к миражу бессмертья
отчаяньем пленённого огня —
моя душа к твоей.

14.11.99

* * *

О, сколько хочется сказать, но с полуслова
ты продолжаешь все мои слова,
не разбивая, а встречая радость —
у наших губ один водоворот.
Воронкой — небо звёздное над нами,
и не тела парят, а души в танце
безмолвно кружатся единою мечтой
и никогда не упадут на землю.

29.10.99

* * *

Бездорожье — мгновенный ужас,
раздражение, крик души,
безгранично-невинная лужа с
островками свободы в глуши —
как тату золотистого цвета,
как веснушками на груди.
Бездорожье моё, конец света,
от насилия меня огради.
Придушу, чтоб не слышать отрывки,
утоплю, чтоб не видеть соплей.
Я прошу для души передышки.
Я устал от скопления людей.

28.02.08

* * *

Неземная неба стынь
льётся в очи и ладони.
Шум в ушах не от погони.
Время просыпаться, сын.
Серебрится за окном
верба и томит узором,
проплывают перед взором
купол звёздный, окоём.
Одинаково близки
эти звёзды, эти почки,
среброглазые комочки
дарят импульсы тоски.
Я себе не изменю,
доверяя им обоим.
Станным облаком покоя
погружаюсь в полынью.
В зеркалах земного дня
отражается не верба —
луч тринадцатого неба,
свет тринадцатого дна.

2.04.07

* * *

Где-то пуля уже отлита,
где-то зеркало не отвечает.
Стон, просачиваясь сквозь сито
в послезавтра, но не речами,
а скупыми словами, болью,
повисит над чужими плечами
и минует их крупной солью.

Где-то зреет уже пшеница,
виноград набирает силу.
Чья-то удаль ночами снится
и волнует мужскую жилу.
Это бродит вино чужое:
ты измены бы не простила
даже будущей, лишь душою.

Где-то в разных местах погосты
и во времени года разным.
Всё пройдет архитебно просто,
по-земному, и ты напрасно
озабочена ритуалом.
Растворяется чёрное в красном.
Претворяется белое в алом.

16.12.05

* * *

Сокрушительный взмах.
Поцелуй навывлет.
В обожжённых глазах
городишко стынет.
То ли искры блестят,
то ли льдинки играют.
Это Демона стяг —
над куполом рая.
Тишину пригвоздив
острым взглядом сфинкса,
он молчит, опустив
крылья в воды Стикса.

17.01.06

Из поэмы «Минотавр»

«Отлучаю себя. Добровольно.
От любимых и ласковых рук.
Мой побег от любви будет сольным:
слово плещется в озере мук.
Отлучаю себя жаждой боли,
без причин искушенья давлю.
Свет отчаянья, высвети долю,
что не ведает слова “люблю”.
Отлучаю себя, отучаю
расслабляться под взглядом твоим.
Отравляю себя беспечалью.
Засыпаю, как тот Аркаим.
Отлучаю себя, отлучаю.
Не простишь, не вернёшь, замолчишь.
Но вернуться к родному причалу
мне мешает прощальная тишь».

«Не веря ни в Чёрта, ни в Бога,
ты видишь опору свою
лишь в собственном духе, порога
не чуя, стоишь на краю,
и все горизонты сметая,
летишь, обгоняя ветра,
в огонь пресловутого Рая,
где Воля — родная сестра,

из ада земного за смертью
на алом, крылатом коне
летишь, доверяясь презрению,
в бессмертье, а может — ко мне».

«Я слишком долго ждал.
Исчезнуть, раствориться
в заоблачной пурге я должен был тогда,
когда — как Муза — ты с летящей колесницы
мне протянула длань и щедро подала.
Естественный твой жест сковал мою свободу.
Слог потускнел,
и взгляд стал рыскающим вдруг.
Когда я ДОЛЖЕН петь —
мне стыдно петь в угоду,
мне видится петлёй любой арены круг.
Отчаянье росло, безвыходность давила.
Влюбом изъяне я искал святую брешь.
Остывшая душа в открытую чадила.
Я умолял судьбу: “Отрежь меня, отрежь”».

«Сжигающий сомнением себя,
сжигаемый напраслиной боренья,
ты мечешься меж домом, где семья,
и греющим тебя огнём творенья;
не в силах всё в единстве удержать,
одни барьеры жжёшь, другие ставишь,
одной рукою бьёшь, другую гладишь...
Наступит время, надо будет жать:
считать потери и приобретенья.
Всё так и будет. Бог тебе судья,
сжигающий сомнением себя,
сжигаемый напраслиной боренья».

«Мой дух растерзан. Я опустошён.
Не выются демоны над сизым пепелищем.
Для Феникса — я все еще смешон,
в стигматы — грех апологету Ницше.
Обрывки мыслей — явный листопад,
палитра их молчания прохладна
и близорука, даже если в лад
развенчанным... О, вздрогни, Ариадна,
услышав вопль растоптанной души.
Осколки эха несоединимы.
Нет выхода из умненькой глуши.
Блестят на солнце нити паутины».

8.10.98

* * *

великолепные колени
вернее вовсе без колен
тугая линия измены
соблазна и паденья плен
стократно выбритое поле
вины и совести и слёз
не обездоленному доля
перенасыщенному плёс
покой и нега дуновенья
прапамяти внезапный шок
томящей грации явленье
душе на посошок

28.12.05

* * *

Закат сжигает надежды.
Ночь поглощает думы.
Рассвет дарит одиночество.
День вселяет тревогу.
Время — это не счёты, не чётки,
не отрывные календари,
это безмолвие, ждущее собеседника,
это ваятель, ищущий лицо бессмертия.
Время ласкает нас, и каждое утро
глядя в зеркало, мы видим его следы.

11.07.2000

* * *

Обмануть винтокрылого ангела
миражом на экране рискну.
В кошки-мышки игра
иногда вдохновляет подругу.
Безымянных пушу,
пусть грунтуют собой белизну
и повзводно грызут
штык-ножами бессмертья науку.
Карты путая, замету
намерений своих следы,
вехи мыслей ночных утоплю
в запредельных сугробах,
чтоб не вычислил кто,
даже Ты,
на какой «h» ниша
для моего гроба.

30.11.05

Стансы

Остановка или остров
или я опять незрячий.
Мне февраль коротконогий
за мое зачатие мстит.
Сердце бабочкой порхает:
взмах — пульсация — отдача.
Половина половине
полусчастья не простит.
Близорукость не помеха,
а предлог для наступленья.
Не касайся онемевших
на ночном морозе уст.
Неудача на внебрачном —
неоправданное тленье.
Не спеши ровнять по ложу
современников, Прокруст.

13.02.07

Пейзаж

Скала. Ручей. На кромке льда —
осенний лист, снежком припудрен.
Мои нескромные года
сегодня высветлили кудри.
Зелёной тиной покрыт
служивший нам валун-опора.
Осина на ветру горит
и почернеет скоро.
Давно пуста паучья сеть;
береза кистью рвётся в небо,
пытаясь тучи отогреть,
и это выглядит нелепо;
свинцовость их сведёт с ума,
не смерть, но жуткое подобье.
С небес ползущая зима
на землю смотрит исподлобья.
В глухом пейзаже нет тепла,
одна осенняя усталость,
но и она в душе зажгла
любовь, похожую на жалость.
Вчера бежавшая вода
остановилась этим утром.
Осенний лист, снежком припудрен,
вмерзает ножкой в кромку льда.

4.07.96

* * *

Всегда боюсь попасть не в такт
и жду дарованных мне пауз.
Вослед оброненный пустяк,
прощальный жест, вздымает парус.
Невыразимая боязнь.
Невыражаемая радость.
Тонка позиционно вязь
сомнений, безымянна благодать.
В глаза негромко подсмотреть —
дистанция — не удаётся,
и жест понятен лишь на треть,
на две — домысливай, зачтётся.
Глубокой ночью загляну
в твой мир: и тьма, и свет — ранимы.
Не подпускай на глубину
ладоней и не игнорируй.
И эластична, и хрупка
Душа, податлива порочно.
Останови меня, рука,
коснись его дыханья молча.

29.05.04

* * *

На серых скользких берегах Невы
я не остался в январе и даже в марте.
К банальным проблескам небесной синевы
остался глух: я не игрок, судьбу по карте
не выбираю никогда и не стыжусь
того, что всё просчитывает лидер.
И град Петра — не вся, поверьте, Русь,
верней, Россия — для меня — не только Питер.
Здесь, на двухтысячном, уральским сквозняком
пронизан насквозь, выбором не тешусь,
пытаюсь подружиться с языком,
чтоб не читать Аркадия, как ребус.
Я некий мостик между ним и тем
провинциалом лапотной России,
погрязшем в путах мировых проблем,
которыми глубинку загрузили.
Прости — поверь, Санкт-Петербургский бог,
пространство мысли скрыто от народа.
Заику мучает идущий горлом слог.
Стикс однозначно не имеет брода.
Пока звучат колокола для деревень,
и музыки иной душа не слышит, —
мост времени не нужен каждый день,
важнее мостик радуги над крышей.

20.12.05

* * *

Иду сквозь дождь, не замечаю снега,
и не смущает разум темнота,
в морскую пену прыгаю с разбега,
болота обхожу — среда не та,
гружу себя работой и бездельем,
о времени не думаю подчас,
любой приют под небом — новоселье,
не утомляет путь ни ног, ни глаз.
Восход-закат с каких-то пор едины.
Подруга-друг — утерян диалог.
Жизнь — суета, о том — мои седины.
Я отстраняюсь от земных дорог.

13.03.07

* * *

Один. Отбросив гениальность.
Покой — не вакуума зев.
Пuls сердца. Маятник. Тональность.
Смещение в до-неуспев,
в до-боль, в до-импульс, в разряжённость,
в немую допрежь бытия,
где суть потока — обнажённость,
предвоплощенье формы «Я».
А космос не имеет звука,
границ и прочих величин.
«Я» — полость, ожидающая стука,
которого не будет.
Я — один.

28.02.08

Ночные светофоры

Бесстрастные ночные светофоры —
пульс спящих невеликих городов;
условно, символически, и всё же —
нейтрально-чёткий, чуткий светоритм.

Уснувший город — электронное табло,
где светофор отсчитывает время
не жизни, и не сна, и не в секундах,
кукушкой ночи — каждому своё.

В глубокое безмолвие проспектов
с осеннею прозрачностью реки
я погружаюсь вслед за нервной тенью,
продажно неуверенной во мне.

На все четыре — жёлтый... жёлтый... жёлтый...
Я — смертен, Человечество бессмертно.
А оглянуться страшно, вдруг никто
не провожает уходящего в безмолвье.

6.10.95

* * *

В лучах любви отверженной незримо
я, защищённый нежностью от лжи,
молвы и пошлости, как мим без грима,
укрытый тенью собственной души,
смотрю на мир, как Бог — на муравейник,
его законы, в сущности, просты.
С любовью или без, я жалкий пленник
не времени — бессмертной суеты.
И миру, в целом, наплевать на личность:
желаешь молча созерцать? — смотри.
Но внешне выражая апатичность,
не скроешь сопричастности внутри.
Прокручивая мысленно причины
смещения со сцены в тень кулис,
не вижу повода для истинной кручины.
Паденье-взлёт, очередной каприз.
Я буду вновь востребован тобою,
как ладан, благовонный фимиам.
Все треволнения разом успокою,
сомнения все забвению предаю,
верну тебе уверенную поступь
и веру безграничную в себя.
И ты вернёшься в мир, минуя россыпь
словес моих, как листья сентября.

26.04.2000

* * *

Я в атаку не верю:
надломлю, не обняв,
или с корнем — по ветру,
иль в огонь — без огня.

И в осаду не верю:
вечен только погост.
Безымянному зверю
под брильянтами звёзд
одинок — до воя,
до высокой петли,
до сердечного сбоя,
до затмения Земли.

Время хлопает дверью
перед носом моим.

Я живу и не верю,
что живу, что любим.

23.12.03

* * *

Муза, сникшая от грёз,
не дави молчанием,
не ищи крутой утёс,
островок отчаянья,
убери с мой тропы
попыню зеркальную,
бритвы, лезвия, серпы,
рюмочку хрустальную.
Были хуже времена
(вовремя был вспорот),
и спасал не хмель вина, —
с треском рвал я ворот,
из удушья выходя,
сбросив пальцы с горла...
Муза, музыку дождя!
Жизнь опять припёрла.

12.01.97

* * *

Я сам себе официант и повар,
посудомойщик, полотёр, швейцар.
Но знаю: не иссяк природный гонор,
и чутко дремлет до поры гусар.

Вночи строга безмолвная обитель,
настойной лампы свет не режет глаз.
Я сам себе суфлёр, телохранитель,
мой дух сопротивленья не угас.

Не столь остры шипы суровых будней,
и не смертельны виражи дорог.
Я выбираю тропы побезлюдней
и свято помню верный мне порог.

Витиеватых слов коварны путы,
гипноз любви не властен надо мной.
Когда-нибудь ворвусь в свои бермуды
и соглашусь на ангельский конвой.

13.06.07

* * *

Постель — вокзал,
с которого каждый отправляется
в свой сон.
Мы вместе спим,
но наши сны — пейзажи за окном —
не совпадают.

22.11.99

* * *

Я счастлив тем,
что я несчастлив,
что до сих пор не заражён
необъяснимой жаждой власти
и ревностью неверных жён.
Я счастлив тем,
что Время давит
меня миллионами секунд,
что радость знойная лукавит,
обиды близких бровь секут.
Судьбы своей не раб, но пленник,
я счастлив, что ещё стою,
и в кровь разбитые колени
от взгляда недругов таю.

Июнь 95

* * *

А спишь ты, как — одна и никаких проблем,
но чересчур бледна, как пить, бледнее, чем
в критические дни, но это — кровь твоя,
ты только не гунди на скупость соловья
по части серенад: о спящих не поют
и не воркуют над презревшими уют.
Владони спрячь тепло одержанных побед.
Не счастье утекло, — то просочился бред.
Скрижаль твоя чиста, не голоси чуть свет.
След говорит — честна. Не умирай в обед.

4.02.08

Волчье

(на Ильмен–Тау)

Я уйду к обрыву ночи,
где
потрескавшийся ствол
старой высохшей березы
пахнет прошлогодним днём,
где,
влюблённым потакая.
Млечный Путь пылит в глаза,
и щекает ноздри космос
тонким лучиком звезды,
где
прозрачную ладонью
заслонясь от света дня,
неземные сновиденья
переходят в мир иной,
где
без риска и эмоций
на границе нежной тьмы
постою, доверюсь телу,
и вернусь свободным в ночь.

Апрель 95

* * *

В конкретных планах будущего нет
ночных часов, на сон или на бденья
отпущенных нам в жизни, посему
ночами я принадлежу всецело
той женщине, которой до меня
в активные минуты не добраться
по той простой причине, что и мне
при жёстком расписании движенья
не выкроить «окна» для встречи оной.
Как ни пытаюсь график уплотнить,
но в мир её, внеплановый, врываюсь,
когда бессильны обстоятельства извне
влиять на ход истории двух смертных;
и очевидность встреч из года в год
реальней и весомей прочих партий,
так или иначе играемых всерьёз
и претендующих на взгляд под солнцем,
но пальма первенства — в руках
любимой.

14.03.96

* * *

Кто-то из трёх да примет,
кого-то из трёх да приму.
Корни и крона зримы
необозримому.

Участью Лира вскормлен,
слабо надеюсь на
генную силу зёрен
в зыбком преддверье сна.

Пенью стрелы подобен,
эхом не дорожу.
С ветром свободы вровень
птицею — к миражу.

Где Рубикон? — не помню,
видимо, позади.
Крона пустила корни
собственные. Не жди

тени в разгаре лета,
корочки дармовой,
влаги росы рассвета,
злата над головой.

03.04.06

* * *

Привыкая — привыкаешь.
Согласишься — и умрёшь.
Снится то, чего желаешь,
но давно уже не ждёшь.
Мы своей не знаем силы,
сколько вытянем до сна.
Много, мало ль заложила
в нас отцовская весна?
Нету личности капризней,
я горю, себя слепя,
но не хватит мне двух жизней
выжать самого себя.
Я в июле замерзаю.
Почему меня не жнут?

А счастливые не знают,
что счастливыми живут.

8.09.95

* * *

Тонуть я буду долго. Крик души,
тревожа эхом родственные души,
минует спящие земные этажи
и не заметит синей-синей стужи,
сжимаясь до незримого глотка,
до мысли, не озвученной гортанью,
я обрету свободу, а пока
пугаю жизнь её же содержаньем.

12.08.03

Время

Из безоблачного нечто...
но не я, не я, не я!
Всновиденьях не добраться
до искомого.
Сигарета, пепел, печка,
атрибуты бытия —
вот оно, до запахов
знакомое,
в смысле, узнаваемо,
на ощупь или без
соприкосновенья, мыслью
только — вот оно
многомерномаятно
дробящее на «здесь»
мир, пространство, сущее —
ныне соткано
не деталью псевдо-изма
и не биомаяком —
импульсивным воплощеньем,
сутью частного,
микро в макро, без снобизма,
кровотоком, просто током —
вот оно,
я часть его.

7.02.05

* * *

Сходя с ума по облакам печали
и примеряя на ходу фату дождя,
рассеянно процеживаешь дали
меж «до» и «ля».

И песнь твоя летит вдоль сна Ассоли,
как отсыревший реквием любви,
но губы, онемевшие от воли,
фальшивят ли?

Непройденные тропы режут ноги.
Не замечая острых ран, летишь на дно
не вечности, а ближе. Видят боги —
в моё окно,
распахнутое настезь днём и ночью,
хранящее твоих имён тепло.
Влети звездой в слезящиеся очи,
чтоб дух свело,
иль шаровую молнией — в сознание,
чтоб никогда уже не смог плести
интриг любви. Всего одно касанье
и — Господи прости.

26.02.2000

* * *

Если выскоблить до блеска,
если вытравить до ворса
бархатистого молекул
озабоченность сознания,
кропотливость серой мыши
и расчётливость ума,
если ложь как снег растает,
если сон сольётся с явью
и зеркально отразятся
тривиальные желанья,
перепачканные ночью
у незримого моста, —
души тихо разойдутся,
звёзды медленно угаснут,
росы-слёзы испарятся...
без вины и удивленья
расслоятся годы счастья
на обычные года.

2006

* * *

Скоро выпадет снег,
станет холодно птицам.
Люди тихо уйдут
от мороза в дома.
Только я от мечты
не успел удалиться
и смотрю, как ползёт
по долине зима.
Я весной доверял
беззаботной кукушке,
ожидаю любви
снегирей в ноябре.
Желатиновый блин
на воздушной подушке
неподвижно застыл
в параллельной судьбе.

Чёрно-белый контраст
обеззвученной роши
отразится в зрачках
сетью мелких морщин.
Невзирая на вкус,
мы возьмём что попроще,
снизив планку мечты
до сугубых причин.

Просыпаясь в ночи,
ты вздохнёшь одиноко,
и часы в унисон
пропоют обо мне.
Вслед за мною трусит
воровато сорока.
Я тебя не отдам
этой ночью Зиме.

14.09.02

* * *

Капризное тщеславье?
Давно переболел.
Живу средь разнотравья,
не втопан — значит, цел.
Не страшно и не странно,
боль не видна моя.
Лови, душа-мембрана,
глас из небытия,
не отнимай у жизни
вниманья на себя.
Вкрутой судьбе отчизны
отыщется струя
животворящей влаги —
для нанесённых ран.
Забудут о ГУЛАГе
Москва и Магадан.
Другие поколенья
с колен поднимут Русь.
Я не боюсь забвенья —
обузой стать боюсь.

2.12.97

* * *

Не прикидывайся спящим,
добрым, любящим, родным,
чью-то жажду утоляющим
щедрости глотком одним.
Не натягивай личину
безмятежности, когда
в сердце едкая лучина
тлеет долгие года.
Если петь не в состоянье —
караоке не спасёт.
И Душе от подаянья
не осилить новый взлёт.
Благодарная обуза —
словно благородства тень.
Грозен флот при Сиракузах
в неподсудно ясный день.
Одинокество не слаще —
пагубный звучит мотив.
Не прикидывайся спящей,
боль от боли утаив.

15.08.02

* * *

Ночное озеро. Тяжёлая вода.
Аукай звёздам, берега не видно.
На все четыре — тёмная судьба.
И хорошо, что за обиды стыдно.

Волна качает «ковш» над головой.
Кому я нужен в этой глухомани?
Куда плыву в предутреннем тумане?
Таким вот лёгким может быть лишь путь...домой?

Легка в затишье жалости трава
сквозь облака в оскал зеркал порханьем
намёк на кастинг замуруй дыханьем
в тумане все равны и боль права

овалы примет мутное стекло
и согрешит как все на пятой точке
мир не поверит в шалости по строчке
душа не выдаст, с кем ей повезло

11.07.07

* * *

Счёт пошел — на часы.
Поезд мчится, не зная об этом.
Побледневшие Гончие Псы
опрокинулись в омут рассвета.
Время, прочь! Черепаший шаг
раздражает — как паутина.
Поцелуй — дикий хмель натошак —
озорство при моих седилах.
Но стремительно, вопреки
тяготению, сердце мчится
с каждым словом в конец строки,
чтоб хоть мысленно слиться
воедино — душа к душе,
неразлучно — печаль к печали...
Как ты выглядишь в неглиже,
я увижу теперь едва ли,
ибо гадано по весне
о замужестве скоротечном.
Твой ли суженый снился мне?
Ты ли плакала — в подвенечном?

Или боль моя, негатив
проявляя на зеркале ночи,
зацепила струну «ревнив»,
резонируя басом «очень»?

Сократи до мгновенья путь,
не дразни собой норов волчий.
Пессимист, я боюсь спугнуть
счастье, рвущее время в клочья!

29.06.2000

* * *

Ночная мгла. Следы метели
в морозном воздухе — как хвост
мечты, исчезнувшей в апреле,
души, забившей на погост.
Я рад её освобождёнью,
чужой, но родственной.
Замри,
прозрачный слепок вожделенья
и символ вечности,
замри,
источник истины небесный,
цель устремлений на земле,
не Богоматерь, а Невеста,
замри!
Я стану чище, злей
и вырву корень сладострастья,
как якорь из морского дна,
и дух вздохнёт, и птица счастья
вспорхнёт, прозрачна и бледна.
28.02.08

* * *

Хочу писать, но мне мешает сердце:
не принимает кофе и табак.
Хочу любить, позволь мне опереться
на пятьдесят плюс субъективный гак.
Я холостые обороты презираю,
мне ускорение важнее жизни впрок.
Я не живу, а тихо умираю,
ресурс исчерпан, истекает срок.
И где подкараулит — неизвестно —
последний жадный времени глоток.
Рвану стоп-кран и обозначу место
прорыва маленькой души в иной поток.
И не заметив моего ухода,
качнётся мир, как лодка на волне.
Я откажусь от видимого брода.
Меня поймут поющие во сне.

2.04.07

* * *

Не имея корней,
тень живее, чем ветвь,
но боится огней.
Говорю ей: не дрейфь,
не исчезнешь, пока
древо будет скрипеть,
подставляя бока
всем светилам и впредь.

Скорость света тебе
не страшна, ибо ты
не равна темноте,
хоть и часть темноты.
Ты в любых плоскостях
будешь место иметь,
на любых скоростях
ты сильнее, чем смерть.

Пуля с тенью летят
параллельным путём.
Скорость тени и взгляд:
не предел окоём.
Скорость тени равна
изначально лучу.
Световая волна
оттеняет свечу.

Даже мысль, вопреки
неземной быстроте,
с чьей-то лёгкой руки
наследив на листе,
нам являет себя
тенью в слове, и та —
всех живей, несмотря
на буквальность следа.

3.05.98

* * *

С тоской реки по перекату
ладони встретили волну
их шёпот улетел ко дну
вновь появился у покатых
и задыхаясь от озноба
зашелестел по берегам
мгновенье здесь мгновенье там
и в поцелуй мгновенья оба
не дав опомниться сознанию
заворковали пальцы рук
опережая свой испуг
из тех минут необладанья
но в грудь входящая истома
мелодией без лишних слов
опровергала муки снов
великолепием затона

24.03.98

* * *

Сожги, огонь, мои года,
историю мою,
чужие страны, города,
армейскую струю,
откуда в двадцать первый век
вошёл, не торопясь,
на этих улицах и сленг
другой и даже грязь.
Я на обочине стою:
водоворот сует
не принимает жизнь мою.
Сожги, огонь, мой след
в истории моей страны,
которой больше нет.
Искомый угол кривизны
воспринят был как бред.
Остаток дней с судьбою сверь,
ведь ты же не слепой,
сожги печаль моих потерь,
как сжёт и стыд и боль.
А пепел так похож на прах —
зола и есть зола.
И кто из нас на небесах,
и есть ли связь родства
меж мною тем и этим мной?

Различны времена.
Сменился век, сменился строй.
И чья теперь страна?
О чём мне петь, кого любить
здесь на исходе дня?
Гнездовья нового не свить.
Возьми, огонь, меня.

08.10.06

* * *

Не росы то, не слёзы, не дождевики —
смола на ранке, сердца дробь и град.
Идёт волна от самой серединки,
и прошивает молнии разряд.
Корёжит пальцы судорога. Стерва
вытягивает жилы из меня.
Мои давно расшатанные нервы
озвучивают эти кренделя.
Трещит рубаха, пуговицы — в россыпь,
и мелкой дрожью засыпает боль.
Не слёзы, не дождевики и не росы,
а пот и кровь — моя смола и соль.

08.10.06

* * *

Я ещё не пришёл.
Это тень моя ласковой птицей
сеет ужас в рядах
приискусства, привласстья, приссми.
Но у нивы моей
срок иной вызреть, колоситься,
свой черёд
всю-то плесень в овраги смести.

Я кружу над рекой,
над родною Миасской долиной,
ничего не прошу
у сидящих по норам друзей.
Мне враги отдадут
неудачников с горькой годиною
словно я Минотавр,
а не мифом воспетый Тезей.

Раскую голоса,
приглушённые розовой пеной,
разбужу задремавших
в стоячей воде — караси! —
их, смирившихся,
купленных с рынка изменой,
обездоленных
в едких объятях Руси.

Это будет не хор,
а солистов очнувшихся пеньё,
их высокий полёт
над озёрами и между скал.
Станут песнями
их неземные земные творенья,
ибо Феникс — не птица,
а народ, что из праха восстал.

18.09.06

* * *

...Благодаренье снегу,
природе, не имеющей тепла,
иначе жизнь другая бы текла
навстречу вымирающему веку.
Мой выдох, презирая притяженье
и с облаками связь почуя, уходил
в иные, неземные, измеренья
пространства, времени и сил,
иные представленья о прекрасном,
понятия о пошлом и смешном...
Мое благословение негласно,
я остаюсь наедине со сном.
Как долго он продлится?
Вдох и выдох,
а загнанное сердце все стучит,
и пробуждение души — ещё не выход
из оболочки тела.
Где ключи? —
чтоб, получив свободу от сознанья,
не убоившись гневного перста,
стать единицею иного мирозданья,
а не птенцом, порхнувшим из гнезда,
чтоб, вопреки возможностям, оттуда,
куда стремлюсь сквозь сети паутин,
низвергнуться на Землю снежным чудом,
иного так и не найдя пути.

Август 94

* * *

Колючий снег впивается в лицо,
мои глаза — и холодней и злее,
приоткрывая веки, я свинцом
его наивность, как туман, развею.
Мир ошестинится: ату его, ату! —
я ускользну, недосыгаем своре,
пересеку глухую пустоту
и растворюсь в русскоязычном хоре.

6.12.2000

Содержание

«Жизни полновесные следы».....	3
«По небу шарю, словно кто-то ждёт...»	5
«Я выберу тебя...».....	6
«Чернота на сердце...».....	7
«Просочись, мягкокожая вишня!».....	8
«Как-то не по себе на заросшем травую погосте...» .	9
А. Подогову	10
«Нутром крушение предвидя...».....	11
«Какая всё же маленькая жизнь...».....	12
«Мелкий дождь — земля навстречу...».....	13
Ассоциативный ряд	14
«Я выпрыгну на ложном повороте...».....	15
«Сколько впустят в себя безболезненно строки?»...16	
«Жить в любви легко и просто...».....	17
«А осень ближе...».....	19
«Не потому ли мысли — к дому...».....	20
«Зима на убыль, но не до неё...».....	22
«Глаза тоскуют по губам...»	23
Бессонница?	24
«Скоро снова пойдут проливные дожди...»	25
«Не бойсь, Ангел, сил ещё полон...».....	26
«96 из 100...».....	27
Творящий в снах	28
«Ты не путай...».....	29
Необитаемые острова	30
«Коснусь — и лопнет пресловутая мораль...».....	31
«Кто кого измотал откровением частным?».....	32

«То — не ты в тумане белом...»	33
«Свет промеряет толщу...»	34
«Город. (Напрасно поставил точку)...».....	35
«и падая из медленного сна...»	36
«Поэтов нет среди друзей...».....	37
«Запущенный со свистом бумеранг...».....	38
«Я полюбовно эту канитель...»	39
Подножия	40
«Не все поэты умерли...»	46
«Ты готовишь побег...».....	48
Ветер	50
«Лю-би-ма-я! ма-я — ма-я — мо-я...»	51
Снежный шёпот	53
Тёплая волна	58
«в половине пятого не дома...»	59
«Очевидно: суть потолка...».....	60
Сидя у огня	61
Тетива	62
«На тебя не надышаться...».....	63
«Я голоден, но, что существеннее, наг...».....	64
«Втебе другая красота...»	65
«Не охотник проснулся, ...	66
«На воде — круги, на небе...».....	67
«Ты безнадежно одинока...».....	68
«На твоём крыльце...»	69
«Безумный август...»	70
«Всети — рыба, не луна...».....	71
«Капли крови, дёгтя и росы...»	72
«Ты разбери мои руины...»	73
«По твоим следам — тело в оторопь...».....	74
«Арбуз и торт...».....	75
«О, мой азарт, чем объяснить...»	76
«Сейчас все мысли только о тебе...»	77
Диссонанс	78
«Зима длинней свечи у изголовья...».....	79
С. Ф. Каратову	80
«Жизнь прошла — не прошла...».....	81

«Сгероями полуночных стихов...»	82
«Не искушать, а искушённым быть...»	83
«Ты — оборванный...»	84
«И всё ж я окольцован. Изнутри...»	85
«Рисунок тыльной стороны...»	86
«Нити солнца в ушко зрачка...»	87
«Седая женщина напротив пьёт вино...»	88
«Но за что эта скатерть...»	89
«Сегодня рано подводить итоги...»	90
«Разбирая пути...»	91
Кенотафия	92
glogia	95
Конус жизни	98
«Входя в сознание мысленно, без тела...»	99
«Не хватает солнца. Я не мёрзну...»	100
«Выдержать удар судьбы...»	101
Новоандреевка	102
«Сгибаюсь под ношей дня...»	103
«Прикоснись и пойми: жить без точки опоры...»	104
«Мне не хватает времени для сна...»	105
«За вибрацией дождя...»	106
«Декабрист не цветёт, а декабрь на исходе...»	107
«Я твоего не слышу голоса...»	108
«Зима прошла. И после долгой спячки...»	109
«От жизни взял, что мог...»	110
«Этот сон прозреет мной...»	111
Биопауза	112
Эклога(осенняя)	113
Невеста	115
«Кого люблю всем сердцем и душой...»	116
«Закрой глаза, раскинь предельно руки...»	117
«Я не пекусь о старости, она...»	118
«Иногда окрыляешь...»	119
«Сомнительное счастье не спасёт...»	120
«Напрасно объяснять кому-то, даже внуку...»	121
«вне памяти отдельным холостым...»	122

«Стихов, ещё чего-то...»	123
«Сильнее лести лишь гипноз...»	124
«Издалека, не замечай каприза...»	125
«Ночь за окном. Отстреливает звёзды...»	126
«Это я и не я...»	127
«Не губи желтокрылых синиц...»	128
«Ночная степь. Глоток кумыса...»	129
«звёзды слева звёзды справа...»	130
Притяжение	131
«О, сколько хочется сказать, но с полуслова...»	132
«Бездорожье — мгновенный ужас...»	133
«Неземная неба стынь...»	134
«Где-то пуля уже отлита...»	135
«Сокрушительный взмах...»	136
Из поэмы «Минотавр»	137
«великолепные колени...»	140
«Закат сжигает надежды...»	141
«Обмануть винтокрылого ангела...»	142
Стансы	143
Пейзаж	144
«Всегда боюсь попасть не в такт...»	145
«На серых скользких берегах Невы...»	146
«Иду сквозь дождь, не замечаю снега...»	147
«Один. Отбросив гениальность...»	148
Ночные светофоры	149
«Влучах любви отверженной незримо...»	150
«Я в атаку не верю...»	151
«Муза, сникшая от грёз...»	152
«Я сам себе официант и повар...»	153
«Постель — вокзал...»	154
«Я счастлив тем...»	155
«А спишь ты, как — одна и никаких проблем...»	156
Волчье(на Ильмен-Тау)	157
«Вконкретных планах будущего нет...»	158
«Кто-то из трёх да примет...»	159
«Привыкая — привыкаешь...»	160
«Тонуть я буду долго. Крик души...»	161

Время	162
«Сходя с ума по облакам печали...»	163
«Если выскоблить до блеска...»	164
«Скоро выпадет снег...»	165
«Капризное тщеславье?...»	167
«Не прикидывайся спящим...»	168
«Ночное озеро. Тяжёлая вода...»	169
«Счёт пошел — на часы...»	170
«Ночная мгла. Следы метели...»	172
«Хочу писать, но мне мешает сердце...»	173
«Не имея корней...»	174
«Стоской реки по перекаату...»	176
«Сожги, огонь, мои года...»	177
«Не росы то, не слёзы, не дождевики...»	179
«Я ещё не пришёл...»	180
«...Благодаренье снегу...»	182
«Колочий снег впивается в лицо...»	183

Александр Павлович Петров

Тетива

Избранные стихотворения

Составитель *Н. Ягодинцева*

Верстка *В. Феркель*

Сдано в набор 15.08.08 г. Подписано в печать 6.10.08 г.
Гарнитура «Times ET». Печать офсетная.
Формат 70×10/32. Объем 7,46 усл.-печ. л.

Заказ № 148.

Тираж 200 экз.

Издательство «Цицера»
454080, г. Челябинск,
Свердловский пр., 60.

Отпечатано в типографии ООО «Тираж Сервис»
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 179.